

Александр Сухов

ТАЙНАЯ СПЛУЖБА ИМПЕРИИ

Жизнь тайного агента опасна.

В мире, где магия убивает не хуже меча, а боевой амулет ценится дороже золота, противником может стать кто угодно. Случайный вампир, боевой маг или шайка портовых бандитов, пираты и наемный убийца из Ложи.

В Гельвеции за одну ночь убито сорок восемь имперских агентов.

Начальник Тайной Службы Империи подозревает, что в его ведомстве завелся «крот».

Найти предателя должен Кевин Фальк.

Кличка — Вьюн.

Лучший агент Империи.

Один за всех.

И все — на одного

ПОРТАЛ

фантастика нашего тысячелетия

Александр Евгеньевич Сухов
Тайная Служба Империи
Серия «Кельтский мир», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3357385
ISBN 978-5-271-42181-5, 978-5-9725-2257-6

Аннотация

Жизнь тайного агента опасна. В мире, где магия убивает не хуже меча, а боевой амулет ценится дороже золота, противником может стать кто угодно. Случайный вампир, боевой маг или шайка портовых бандитов, пираты и наемный убийца из Ложи.

В Гельвеции за одну ночь убито сорок восемь имперских агентов. Начальник Тайной Службы Империи подозревает, что в его ведомстве завелся «крот».

Найти предателя должен Кевин Фальк. Кличка - Вьюн.

Лучший агент Империи.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тайная Служба Империи

Quomodo fabula, sic vita: non quam diu, sed quam bene acta sit, refert.¹

Пролог

Целот Вайрель водрузил последний grosсбух поверх толстенной стопы точно таких же книг, поерзал в кресле, разминая затекшую поясницу. Снял с носа очки и принялся неторопливо протирать стекла извлеченным из кармана носовым платком. День прошел вполне удачно. Его агентам наконец-то удалось сбыть крупную партию воловьих шкур. Вот уже как полгода они были постоянной головной болью для предприимчивого купца. Он уже не раз пожалел, что позволил втянуть себя в безнадежную авантюру и, потеряв всякую надежду получить с этого предприятия какую-нибудь прибыль, мечтал остаться хотя бы при своих. И вдруг как по мановению волшебной палочки появляется лицо, готовое скупить всю партию и, самое главное, выложить за проклятые шкуры хорошие деньги. Вайрель, вопреки принятой в купеческих кругах традиции, практически не торговался – подмахнул купчую, получил аванс наличными и, как водится, распил с благодетелем бутылочку «коринфской лозы». Затем провел ряд переговоров с поставщиками и покупателями. А на вечер, как обычно, оставил самое приятное – проверку финансовой документации и окончательное сведение дебета и кредита.

Большие напольные часы пробили девять раз. И тут до чуткого слуха негоцианта со стороны окна донесся легкий шорох. Водрузив очки обратно на нос, он обвел цепким взглядом полутемное помещение конторы. Пустые столы – сотрудники давно разошлись по домам. Входная дверь заперта на ключ. Не, кажется, послышалось. Да и кому в столь поздний час придет в голову мысль посетить старину Целота Вайреля? Грабителям тут делать нечего – вся дневная выручка в банке, и поживиться кроме письменных принадлежностей особенно нечем. К тому же здание тщательно охраняется, и пробраться сюда даже самому изощренному вору будет весьма и весьма проблематично.

Успокоившись, мастер Вайрель начал поправлять слегка покосившуюся стопку бухгалтерских книг, как вдруг располагавшаяся на плече наколка-оберег, выполненная в виде распластанной в полете летучей мыши, тревожно царапнула острыми коготками кожу. Негоциант почувствовал неладное, и отработанным движением начал поднимать правую руку в направлении темного оконного проема. Интуиция вкупе с многочисленными оберегами, ношением коих он никогда не пренебрегал, подсказали ему, что именно оттуда последует роковой удар. Подчиняясь мысленному приказу владельца, камень одного из перстней, украшавших пальцы негоцианта, засверкал и заискрился, готовясь поразить испепеляющим огненным шаром любого, кто не понравится Целоту Вайрелю. Одновременно вокруг мужчины вспыхнул и стал наливаться ровным розоватым свечением универсальный магический щит, предназначенный для отражения всех видов негативного воздействия: от сугубо материальных клинков, стрел и пуль, до любых подчас весьма изощренных магических атак.

Однако полностью активироваться щит так и не успел, боевой перстень также не выстрелил, поскольку в следующее мгновение оконное стекло с легким звоном разлетелось вдребезги, и грудь мастера Вайреля пронзило тонкое жало ледяной стрелы. Боевое заклинание хоть и было слегка ослаблено универсальным щитом, однако и этого вполне хватило, чтобы в мгновение ока заморозить всю воду, содержащуюся в теле человека.

Недолгий миг Целот Вайрель продолжал неподвижно сидеть застывшей глыбой льда, но тут потерявший связь с хозяином перстень, не получив направление на цель, начал исте-

катель электрическими разрядами. Как следствие, покойного негодянта опутало цепочками ярких молний. Поплясав немного, они слились в один компактный сферический конгломерат. Повисев немного в воздухе, шар взорвался, и замороженное тело уважаемого купца брызнуло во все стороны мелким ледяным крошевом...

Дегаль Дансе – юноша лет тридцати, известный в Лионе мот и кутила, в сопровождении двух дам весьма симпатичной наружности подкатил на открытом конном экипаже к ярко освещенному парадному Королевского Оперного театра.

Девять часов. Вечер только начинается. Впереди очаровательные «Пираты Карнаики» с неподражаемым дуэтом в главных партиях: божественной Каразой Варита и обласканного Непознанным сверх всякой меры Дунстара Роза. А еще нужно успеть на бал к Серано, у Дегалья там важная встреча с полезным человеком. Если удастся, одна из этих невинных на вид, но вполне искушенных в любовных утехх и кое в чем еще крошек, отправится вместе с интересующим его лицом, разумеется, ради пользы задуманного им мероприятия. Впрочем, заранее загадывать не стоит, хотя бы для того, чтобы не спугнуть проказницу Удачу.

Соскочив с подножки кареты, юноша помог спутницам поочередно покинуть экипаж. Легким взмахом обтянутой в белоснежную кожаную перчатку руки отпустил возницу. Весьма элегантно позволил девицам взять себя под ручки и, не обращая внимания на завистливые взгляды уважаемых отцов семейств, прибывших в оперу со своими изрядно поднадоевшими благоверными, направился к зданию театра.

Неожиданно от толпы зевак отделилась небогато одетая девушка. В руках корзина с незабудками.

– Не пожелает ли молодой господин, купить цветы для прекрасных дам?

Простоватый покрой платья и скромная расцветка не помешали признанному ценителю женской красоты разглядеть точеную фигурку цветочницы, а ее красивое личико с огромными под цвет ее скромных цветов глазницами и вовсе произвело на юношу неизгладимое впечатление. Его рука непроизвольно потянулась в карман за мелочью, а в голове мелькнула мысль:

«Какой восхитительный самоцвет! В руках умелого ювелира вполне может стать драгоценным бриллиантом. Нужно будет непременно ею заняться, вполне вероятно, кроме умопомрачительной фигурки и прелестной мордашки у нее обнаружатся и другие таланты».

Видя, что клиент готов совершить покупку, девушка нагнулась над корзиной, будто выбирала самые лучшие цветы. Однако вовсе не букетики незабудок она извлекла оттуда, а небольшой пистоль. Приставив оружие к груди продолжавшего копаться в кармане Дансе, она спустила курок. А в следующее мгновение в руках цветочницы непонятно откуда появились два тонких длинных стилета, которые она весьма профессионально всадила в глазницы сопровождавших юношу дам и, оставив корзину на месте преступления, затерялась в толпе зевак еще до того, как тела ее жертв повалились на гранитную брусчатку Театральной площади.

Обе девушки умерли практически мгновенно, поскольку длинные клинки повредили жизненно важные центры головного мозга. Дегаль Дансе перед тем, как отойти в мир иной, успел подумать:

«К сожалению, меня опередили – кто-то другой уже огранил этот драгоценный камень»...

Солнце вот уж как два часа назад закатилось за горизонт, а часы на башне городской ратуши вот-вот должны были пробить девять. Тартал Берузо – вор-карманник по кличке Деготь шел по улице после весьма удачной дневной охоты. Столь одиозное погоняло он получил вовсе не за цвет лица, неопрятный внешний вид или патологическую нелюбовь к мылу и воде. Вовсе, даже наоборот – Деготь был чистоплюем, каких поискать и как большинство обладателей огненно-рыжих шевелюр – белокож, а свою кликуху заработал за то,

что практически никогда не отпускал с деньгами того, на кого положил свой бритвенной остроты как заточенная монета в его потайном кармане глаз. Он будто деготь прилипал к намеченной жертве, и у той не оставалось ни малейшего шанса сохранить свои кровные в целостности и сохранности.

Сегодня все было как обычно: без особых взлетов, но на кусок мяса, лепешку и кувшин доброго пива он заработал. Шутка, конечно – заработал он значительно больше, и пусть половина заработка уйдет Гильдии, он также не останется в накладе.

Помимо содержимого срезанных кошелей при Дегте было послание, которое он должен был передать одному человеку для дальнейшей отправки неведомому адресату. Если бы ее прочитал какой-нибудь неискушенный человек, ничего полезного для себя не вынес бы. Заботливый племянник обеспокоен пошатнувшимся здоровьем любимой тетушки, он настоятельно просит не волноваться за него, конечно же, делится своими впечатлениями о местной погоде и ценах на некоторые товары и так далее в том же духе. На самом деле это было зашифрованное письмо, содержащее весьма важную информацию. Это было последнее, запланированное на сегодняшний день дело, затем он отправится в трактир хромого Вира, чтобы поделиться награбленным с Гильдией, хорошенько кутнуть и, конечно же, пообщаться с коллегами по воровскому ремеслу. Порой из ничего не значащих обрывков фраз умному человеку удастся извлечь кучу полезной информации, а затем на ее основе составить зашифрованное сообщение и отправить его «любимой тетушке».

Опустившиеся на город теплые летние сумерки стали причиной практически полного безлюдья на рабочих окраинах славного Лиона. Работягам, в отличие от праздношатающейся расфранченной знати, с первыми лучами Солнца предстоит в поте лица добывать хлеб свой насущный, поэтому здесь умеют ценить каждое мгновение благословенного отдыха, дарованного Непознанным.

Тартал Берузо топал себе неспешно в нужном направлении и поначалу не обратил особого внимания на показавшийся в конце длинной прямой улицы конный экипаж. Света уличных фонарей вполне хватало, чтобы все хорошенько рассмотреть. Обычный для летней поры возок с откинутым верхом. Внутри два уважаемых господина. На козлах то и дело позевывающий кучер – умаялся бедняга за долгий трудовой день, теперь думает лишь о том, как доставит клиентов по назначению и домой на боковую.

Когда до экипажа оставалось не более десятка ярдов, Деготь уловил на себе холодный взгляд одного из пассажиров, и этот взгляд ему не понравился. Наученный жизнью вор решил шмыгнуть в ближайшую подворотню от греха подальше, но не успел. Засыпавший на глазах возница неожиданно приподнялся с козел и взмахнул рукой. В следующее мгновение в темечко улепетывающего со всех ног Дегтя врезался небольшой, но очень тяжелый свинцовый шарик.

Ловкач Берузо услышал свист летящего снаряда за мгновение до того, как тот поразил цель. Сообразив, что дело швах, он успел прошептать короткую вербальную формулу активации заклинания, вплетенного в висящую на его шее тонкую золотую цепочку.

После того, как вышедшие из коляски мужчины склонились над впавшим в бессознательное состояние вором, чтобы обыскать Дегтя, его тело неожиданно взорвалось, подобно бочонку пороха. В результате от распластанного на земле человека не осталось практически ничего, а обступивших его людей вознесло в воздух и со страшной силой раскидало в разные стороны. Двое пассажиров умерли мгновенно, возница прожил еще с полчаса, но, не дождавшись приезда лекаря, также отдал богу душу.

Что же касается лошадок, им повезло значительно больше, нежели их хозяину и пассажирам. Взрывная волна всего лишь насмерть перепугала животных и подвигла дружно рвануть прочь от страшного места. После непродолжительной гонки по улицам ночного города их удалось обуздать силами доблестной охраны правопорядка...

Помимо описанных выше случаев ничем не обоснованных нападений на мирных граждан, в славном городе Лионе – столице Великой Гельвеции в одно и то же время погибло еще около полусотни человек. Это были, казалось бы, посторонние друг другу люди из разных слоев общества, не связанные ни узами родства, ни деловыми или какими-то иными отношениями, большинство никогда не встречались.

* * *

Айвар Пятый, Господом данный император Британии, вот уже как час был вне себя от гнева.

– Эбенар, и ты все это рассказываешь нам, будто это либретто последней постановки мэтра Глюко! В одночасье империя лишилась полсотни первоклассных агентов! Ты хотя бы понимаешь, что все это означает?

– Прошу прощения, ваше величество, сорок восемь. – Эбенар Дуго архиканцлер и по совместительству начальник Тайной Службы империи вовсе не был смущен или напуган монаршим гневом. – Сорок восемь агентов, а не пятьдесят. Еще раз извиняюсь, государь, но когда дело касается жизни и смерти ваших подданных, округлять потери в сторону увеличения, по крайней мере, цинично.

– Эбенар, мы ценим и уважаем твою любовь к точным цифрам и лаконичным формулировкам, – император, потихоньку начал остывать. – Но не ты ли только что поведал нашему величеству о том, что случилось в Лионе? Это же катастрофа. Неделю назад ты докладывал, что вокруг союзного Британии государства затевается какая-то непонятная возня, грозился в самом скором времени положить исчерпывающий доклад на наш стол. Прошла неделя, Мы не видим никакого доклада, а вместо этого надежда и опора британской монархии наш начальник Тайной Службы приходит как побитый мальчишка и докладывает своему императору о «невосполнимых потерях личного состава и полном крушении лионской агентурной сети».

– Виноват, ваше величество, – архиканцлер решил прервать монарший монолог пока Айвар Пятый вновь не завелся. – Я прекрасно осознаю каким ударом для нас стала потеря сорока восьми не самых худших сынов Британии...

– Лучших, Дуго, лучших! – император беспокойно зашагал по кабинету и со свойственной ему энергией затараторил: – Всех наградить орденами первой степени! Семьям погибших предоставить пожизненный пенсион и все прочие полагающиеся вспомоществования, к тому же...

Пока государь перечислял все необходимые мероприятия по увековечиванию памяти павших, а его личный секретарь записывал, архиканцлер переводил дух. То, что произошло в Лионе, разумеется, случай из ряда вон выходящий. За всю свою многовековую историю Тайная Служба Британской империи не получала столь мощных затрещин. Теперь получила, и он – Эбенар Дуго, руководитель этой самой Тайной Службы, вместо того, чтобы сидеть в своем кабинете и разрабатывать план контр-операции вынужден торчать посреди кабинета его величества и выслушивать всякую не относящуюся к делу формальную ерунду. Будь его воля, он вообще не информировал бы монарха о некоторых аспектах деятельности возглавляемой им организации. Однако Айвар Пятый отчего-то вбил себе в голову, что своим гениальным умом способен вникнуть во все тонкости деятельности любого министерства и ведомства, в том числе и Тайной Службы. Время от времени он даже пытался давать советы. Архиканцлер, разумеется, все аккуратно записывал, но внедрять их в жизнь как-то не очень торопился.

– ...трехдневный траур по усопшим, – закончил император.

– Трехдневный траур, ваше величество, никак нельзя, – несмотря на драматичность ситуации, архиканцлер едва не рассмеялся, и только одному Непознанному было ведомо, каких трудов ему стоило сохранить серьезную мину.

– Это почему же, нельзя? – недоуменно и даже где-то обиженно захлопал глазами император.

– Виноват, – начал пояснять свою мысль Эбенар Дуго, – но формально эти люди не являются подданными Британии.

– Ах да! Наш верный Дуго, молодец, что напомнил. Разумеется, международный скандал нам ни к чему, – император прекратил беготню по кабинету, остановился напротив архиканцлера и, глядя ему в глаза, произнес не терпящим возражения голосом: – Но наша задача отомстить негодяям, что б впредь неповадно было. Это ты, надеюсь, понимаешь?

– Смею вас заверить, как только ваше величество изволит меня отпустить, ваш покорный слуга пулей помчится в свой кабинет и не выйдет оттуда до тех пор, пока не будет разработан детальный план контр-операции. Я планирую подключить к акции лучшие кадры. Мои люди будут рыть носом землю, но непременно доберутся до врага и если понадобится, зубами перегрызут ему горло. – Показушная брутальность импонировала государю, и архиканцлер прекрасно об этом знал, поэтому в очередной раз беззастенчиво воспользовался этой его слабостью.

– Ну что же, нашему величеству будет интересно с ним ознакомиться. Когда ты собираешься закончить работу?

– Через три дня, ваше величество, – твердо заявил Эбенар Дуго – Айвар Пятый терпеть не мог неуверенности в ответах высших чиновников.

– Хорошо, ровно через трое суток мы хотели бы видеть его на нашем столе.

Глава 1

К вечеру «Святая Эграфия» – трехмачтовая красавица баркетина должна была выйти в море, поэтому на ее борту с самого раннего утра царила обычная в таких случаях суматоха. Матросы с остервенением драили палубу, уничтожая последствия недавних погрузочно-разгрузочных работ, разворачивали и снова сворачивали огромные куски парусины, перетаскивали с носа на корму и обратно неподъемные бухты просмоленного каната и какие-то тюки. То тут то там то и дело раздавался гудок боцманской дудки или свисток вахтенного офицера, внося в это на первый взгляд сумбурное коловращение людей и предметов непостижимую для человека далекого от морских дел чарующую гармонию.

В это время у трапа судна остановился молодой человек на вид лет тридцати-тридцати трех. Он постоял немного, откровенно любясь всем этим бедламом и, поставив походный сундучок на деревянный настил причала, заразительно потянулся. Потом повернул лицо навстречу свежему утреннему бризу и приветливо заулыбался только что выкатившемуся из-за гор дневному светилу.

Вахтенный матрос хотел было отпустить в адрес незнакомца какую-нибудь едкую шуточку, мол, сухопутная крыса, сего зенки раззявил, проходи пока гаком по башке не получил. Но, наткнувшись на уверенный взгляд спокойных серых глаз, тут же проглотил готовую сорваться с языка остроту. К тому же, наметанным взглядом опытного морского волка он мгновенно оценил кошачью грацию и не показушную рациональность каждого движения юноши.

Тем временем молодой человек вновь нагнулся, подхватил свою ношу, но вместо того, чтобы потопать дальше, уверенно ступил на швартовочный трап.

– Прошу прощения, милостивый государь, – как уже отмечалось, вахтенный достаточно хорошо разбирался в людях, поэтому выбрал оптимальный тон для общения с этим очень серьезным человеком, – но на борт посторонним вход строго воспрещен. Если у вас имеется дело к кому-то из членов экипажа, подождите, я вызову вахтенного офицера.

– Конечно, конечно, уважаемый, – обезоруживающе улыбнулся в ответ незнакомец, – я все прекрасно понимаю. Позовите, пожалуйста, кого-нибудь из начальства. Я подожду.

Учтивый тон и превосходные манеры вовсе не обманули тертого жизнью морского волка. Он лишний раз похвалил себя за приобретенное с возрастом и потерянными зубами умение ладить с людьми. Зубы – пустяк, который несложно восстановить у практикующих магов-целителей. Опыт – вот что самое ценное в нашей жизни. Во всяком случае, чем его больше, тем все реже и реже приходится обращаться к целителям и, соответственно, существенно на этом экономить.

Вахтенный поднес к губам висевший на шее свисток и огласил окрестности оглушительным визгом, соперничающим по степени неблагозвучности со звуком выдираемого из доски ржавого гвоздя.

– Ждите, скоро кто-нибудь да прискочит: либо вахтенный офицер, либо старпом, а может быть и сам капитан. – Уведомив визитера, матрос отвернулся в сторонку, как бы заинтересовался входящим в порт величественным испанским галеоном, может быть, еще чем-то, а сам то и дело бросал косые взгляды в сторону незнакомца.

На первый взгляд ничего из себя такого особенного тот не представлял. Среднего роста, не толст и не худ, в плечах широк в меру, в талии и бедрах узок. Лицо вполне обычное, волосы на голове длинные вьющиеся, усы и бородака пострижены по последней европейской моде. На нем изрядно потертый камзол темно-коричневого цвета и свободного покроя штаны из плотной ткани, также коричневые. На ногах начищенные до зеркального блеска сапоги до колен, пошитые из кожи морского дракона. Голову украшает широкополая шляпа.

На перевязи шпага в потертых ножнах висит как влитая – явно не для вящего антуража. Если бы не уверенный взгляд серо-стальных глаз, и кошачья манера двигаться, его вполне можно было бы принять за мелкопоместного дворянина, решившего покинуть осточертевшую усадьбу и рвануть на материк на людей посмотреть и себя показать. А если повезет, заманить в родное гнездышко какую-нибудь тамошнюю баронессу или виконтессу, чтобы потом с остервенением начать клепать одного за другим благородных отпрысков. Большая часть которых потом разлетится по разным уголкам великой империи, а кто-то подастся на службу какому-нибудь заморскому монарху, чтобы потом на поле брани сделать дырку в своем родном братце, или самому получить от оногo пулю в лоб из мушкета или арбалетный болт в горячее сердце.

«Этот явно не из таковских», – сделал вывод моряк.

А вот из «каковских» так и не смог однозначно решить. Но на интуитивном уровне сделал для себя определенный вывод, что от этого парня лучше держаться как можно дальше и еще раз похвалил себя за то, что вовремя воздержался от едкого замечания в его адрес.

На зов вахтенного явился сам командир судна, крепкий загорелый до черноты мужчина лет под пятьдесят. Однако то, что это именно капитан незнакомец сообразил не сразу. Да и трудно принять за капитана человека, не отличающегося от прочей суetyающейся на палубе публики ни богатой одеждой, ни куртуазностью обращения, ни особой изысканностью речевых оборотов.

– Дуль, паршивая обезьяна, – взял с места в карьер подошедший, – какого Кракена беспокоишь занятых людей?!

– Дык, господин капитан, тут человек, требует вас или кого-нибудь из начальства.

Капитан повернулся к гостю и, кажется, хотел продолжить разговор в том же духе, но, наткнувшись на уверенный взгляд холодных как воды Норвежского моря глаз, сбавил тон до учтливового. Как следствие в его манере общения появились недостающие изысканность и куртуазность.

– Позвольте узнать, уважаемый, с кем имею честь разговаривать?

– Талос Понти, – представился молодой человек и, сняв с головы шляпу, учтиво поклонился. – Смею вам напомнить, господин...

– Сирус Венс, – в свою очередь кивнул головой капитан и невольно поднес ладонь правой руки к украшавшей его голову бандане, из чего гость тут же сделал вывод, что капитан в свое время служил в военном флоте.

– Капитан Венс, для меня на вашем судне арендована каюта.

– Конечно, конечно, господин Понти! Рад! Весьма рад! – расплылся в фальшивой улыбке капитан. На самом деле никакой радости от появления на борту гостя он не испытывал. И вообще, «Святая Эграфия» сугубо грузовое судно и устраивать из нее прогулочную яхту для праздношатающихся бездельников было не в правилах Сируса Венса. Однако когда на тебя наезжают серьезные люди, даже не наезжают, а учтиво просят, тут уж никак не отвертеться, остается лишь скрепя сердце покорно улыбаться и благодарить за оказанную честь.

– Спасибо, господин капитан! Если угодно взглянуть на мои бумаги...

– Полноте, молодой человек, – беспечно махнул рукой капитан, – для меня достаточно... гм... рекомендаций тех, кто... гм... попросил меня взять вас на борт в качестве пассажира. Вообще-то это не в моих правилах... однако... – не закончив мысль, Сирус еще раз махнул рукой. – Короче, документы потом отдадите второму помощнику, на судне он ведает всей этой бумажной волокитой. А теперь прошу проследовать за мной в ваши... с позволения сказать... апартаменты.

Капитан Венс проводил гостя в его каюту и после краткого инструктажа оставил в одиночестве. Выйдя на палубу, он стащил с головы бандану и принялся усиленно протирать ею вспотевший лоб.

«Ладно, потерпим всего-то седмица», – подумал Сирус.

Перспектива ублажать бездельника не очень радовала морского волка, но тут уж ничего не попишешь – серьезные люди попросили, к тому же отстегнули серьезные бабки, чтобы гостю на корабле скучно не было. Не удержавшись, дал в сердцах пинка пробежавшему мимо матросу. Отлегло малость, но на душе все равно продолжали кошки скрести. Ох, не к добру все это.

А представившийся Талосом Понти пассажир тем временем поставил на откидной столик свой сундучок, откинул крышку и принялся доставать оттуда и раскладывать по полочкам свой нехитрый скарб.

Официально этот мужчина был мелкопоместным британским дворянином, решившим совершить путешествие на материк в дружественное империи королевство Великая Гельвеция. Цель путешествия – отдых от трудов праведных и посещение знаменитых лечебных источников, расположенных неподалеку от стольного града Лиона. К тому же господин Понти был холост, а на воды регулярно слетаются лучшие невесты со всей Земли: из Британии, Римской империи, Испании, многочисленных германских государств, Карфагена и даже принцы из далекой и сказочной Индии. Британские женихи там высоко котируются, и у Талоса имеется отличный шанс завести приятное знакомство с какой-нибудь симпатичной девицей голубых кровей с тем, чтобы в скором времени увести ее в Туманный Альбион в качестве законной супруги.

Шутка, конечно. На самом деле связывать себя узами брака даже с самой достойной во Вселенной девицей Талос Понти не собирался. Ко всему прочему, этот симпатичный молодой человек не был никаким Талосом Понти. Его настоящее имя – Кевин Фальк и направлялся он в Европу вовсе не ради пустопорожнего времяпрепровождения в обществе глуповатых или не очень глупых, смазливых или не очень особ противоположного пола. Цель его поездки была весьма деликатного свойства, более того, секретная, поскольку дело касалось заоблачных сфер высокой политики.

Закончив раскладывать свой нехитрый скарб, он присел на прикрученную к палубе деревянную скамью, облокотился на дубовую столешницу и задумчиво уставился в иллюминатор на проплывающие высоко в небе легкие перистые облака.

Еще позавчера вечером этот молодой человек беззаботно предавался разгульным отдохновениям в обществе молодых повес и девиц легкого поведения. Несмотря на принадлежность к Тайной Имперской Службе, Фальк не был сухарем и педантом, поэтому свободное от дел служебных время умел проводить с толком и достаточно увлекательно, так, чтобы в старости было о чем вспомнить и похвастаться перед внуками.

А под утро, его бесцеремонно вырвали из восхитительных объятий прекрасной Натальи, наскоро приведя в более или менее благопристойное состояние, представили пред светлы очи обожаемого начальника – железного архиканцлера Эбенара Дуго. На самом деле ничего такого особенно примечательного в этом человеке не было. Невысокий, лысоватый мужчина за шестьдесят, неприметной наружности. Только взгляд глубоко посаженных карих глаз особенный: внимательный, колючий, но одновременно, как это ни парадоксально, располагающий.

– Все ерундой занимаешься? – с места в карьер принялся распекать подчиненного архиканцлер. – Между прочим, в полиции на тебя дело завели...

– Ошибаетесь, ваша милость, – рискнул перебить высокое начальство не совсем еще протрезвевший Фальк, – я защищал даму от неприятного ей общества одного крайне навязчивого кавалера, исключительно в словесной форме, и со стражами порядка у меня никаких проблем...

– Ага, – осуждающе покачал головой архиканцлер, – после твоей пламенной проповеди кавалер – как записано в полицейском протоколе с твоих слов и со слов твоих собутыльни-

ков: осознал свое неприличное поведение, и от стыда приложился пару раз исключительно по собственной воле лицом к столу, затем четыре раза уронил себя на пол, а в завершение попытался покинуть кабак, но в запале забыл открыть дверь, и едва не протаранил ее собственной головой. В конечном итоге он не придумал ничего лучшего, как выйти через окно, между прочим, третьего этажа. Благо падение смягчил росший внизу розовый куст. Ну и что ты на это скажешь, голубь мой миролюбивый, проповедник ты наш сердобольный?

При этих словах начальства остатки хмеля окончательно выветрились из буйной головушки нашего героя. Чтобы лишний раз не нервировать архиканцлера он принял, пожалуй, единственно правильное в сложившихся обстоятельствах решение – набрал в легкие побольше воздуха и замер по стойке «смирно», устремив взор поверх головы разгневанного Эбенара Дуго. Одновременно он постарался, что называется, включить мозги на полную.

Интересно, вроде бы в полиции дело удалось замять. Наталь дала «объективные показания» в его пользу и в свою очередь выдвинула встречные обвинения в домогательстве и попытке поругания ее девичьей чести. Посетители и администрация питейного заведения, не моргнув глазом, подтвердили версию Фалька об избиении самим себя изрядно перепившего посетителя, якобы осознавшего свое недостойное поведение. И пускай вся полиция обхохочется, читая протокол допроса, его показания никто не сможет опровергнуть, поскольку тот типчик действовал на нервы практически всей честной компании, и Кевин всего лишь выполнил священный долг мужчины и любовника прекрасной Наталь. Так что с этой стороны комар носа не подточит. Все-таки для чего же архиканцлер поднял его среди темной ночи? Кажется, дело тут вовсе не в нем, и экстренный вызов никакого отношения не имеет к тому анекдотическому случаю – стал бы архиканцлер переживать за всех, кого учили уму-разуму его подчиненные, давно помер бы от какой-нибудь сердечной хвори.

Однако вопрос был задан, и на него требовалось немедленно дать ответ. Не сводя целеустремленного взгляда с воздушного хохолка, витающего над взъерошенной головой высокого начальства, Фальк изобразил на своей физиономии крайнюю степень преданности и солдафонского тупоумия и громко рявкнул, аж стоящий на столе графин с водой отозвался радостным звоном:

– Не могу знать, ваше высокобродь! Виноват, ваше высокобродь! Исправлюсь, ваше высокобродь! Искуплю! Не велите казнить, ваше...

– Ну же, будет, Вьюн! – замахал руками на подчиненного архиканцлер Дуго. – Заканчивай весь этот балаган! – И, наконец, сменив гнев на милость, перевел беседу в конструктивное русло: – Присаживайся-ка вон в то кресло. Хочу заранее предупредить, разговор у нас сегодня будет продолжительным.

Помимо настоящего имени у всякого агента Тайной Службы империи имеется еще и агентурное прозвище. Фальку за его феноменальную способность успешно выкручиваться из самых неприятных ситуаций, умниками из отдела стратегического планирования было определено называться Вьюном. Кевин не возражал. Как говорят в имперской разведке: «Хоть хайером назови, только в Сахару не посылай».

Разговор действительно получился довольно длинным. Кевин покинул кабинет архиканцлера лишь с первыми лучами восходящего Солнца, при этом он имел крайне озабоченный вид. Да как тут не озаботишься, когда тебя без всякой предварительной подготовки будто из ушата ледяной водой окатили. Новость о том, что вся имперская агентурная сеть в Лионе в одночасье медным тазом накрылась, кого угодно шокирует, тем более, с некоторыми ребятами из этого списка он был лично знаком и был о них весьма высокого мнения как о профессионалах.

– Сорок восемь человек, – уточнил архиканцлер. Дождавшись когда Вьюн придет в себя от обрушившейся на него нежданно-негаданно печальной новости, протянул ему толстую пачку листов. – Вот, возьми и в срочном порядке ознакомься. Здесь полные досье на

погибших агентов, а также отчеты полицейских чинов Лиона, проводивших расследование обстоятельств их смерти. Из дворца не выносить, по прочтении всё до листочка сдашь в архив.

Архиканцлер Дуго помимо многочисленных достоинств обладал еще одной завидной способностью – без лишних слов он умел донести до сознания подчиненного информацию о том, что того ожидает в ближайшем, а иногда и в отдаленном будущем. Вот и теперь, велел ознакомиться с определенными документами, и догадливому Кевину сразу стало понятно, куда он скоро отправится. Теперь остается лишь уяснить, за какой конкретно надобностью ему предстояло тащиться в королевство Гельвеция, а точнее, его столицу – Лион.

– Есть мнение, для выяснения обстоятельств гибели наших людей послать в Великую Гельвецию опытного агента, – продолжал Дуго. – И, как ты уже, наверняка, догадался, этим агентом будешь ты, мой мальчик. – Ох, и не любил Фальк, когда босс в личных беседах употреблял «мой мальчик», ибо данная фраза конкретно означает: «дельце гнилое и тебе придется не только основательно вымазаться в дерьме, но изрядно наглотаться означенной субстанции». – Короче, мой мальчик, – на его памяти архиканцлер ни разу не повторил дважды подряд «мой мальчик», значит, дерьма придется наглотаться от души, – Поплывешь морем до Арелата – в Европе нынче неспокойно, германцы с северными галлами вновь что-то делают – поэтому сухопутный маршрут исключен. В Лионе тебе предстоит свободный поиск. Никаких инструкций от меня, действуешь самостоятельно, решительно, но без ненужного риска. Задача поездки: выяснить, кому и для какой цели понадобилось уничтожить наших людей и по возможности разобраться со всеми причастными к этому делу лицами, чтобы впредь неповадно было. А самое главное, Вьюн, кровь из носа, найди «крота», что сдал нашу агентурную сеть. Узнаешь имя предателя, все остальное по боку, срочно ко мне с докладом.

То, что предстоящее задание носило характер свободного поиска, имело как положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, Вьюн ни при каких обстоятельствах не имел права обратиться за помощью ни к кому из коллег разведчиков, ни в британское посольство в Лионе. С другой – у него были полностью развязаны руки, и это предоставляло ему шанс не лезть напропалую в пресловутые озера, пруды и реки дерьма, а обходить их бережком, да по мосточкам.

– Тебе все понятно, Вьюн?

– Основная цель ясна, ваша милость: отправка в Лион для проведения следственных и карательных мероприятий.

– Молодец! – одобрительно покачал головой Кардинал. – За что тебя ценю, так это за краткость формулировок. Вот именно, для проведения следственных и карательных мероприятий. Однако, Кевин, повторюсь еще раз: твоя главная задача выяснить источник утечки информации. Видишь ли, вот уже как с полгода наши операции по всей Европе начали проваливаться одна за другой. Однако до поры до времени это были единичные случаи, которые можно было как-то объяснить нерасторопностью агентов или, наоборот, расторопностью контрразведки неприятеля. Однако чтобы в мирное время на территории дружественного государства потерять полсотни первоклассных глубоко законспирированных агентов – это уже явный перебор и даже не щелчок по носу, а крепкая оплеуха... – архиканцлер резко замолчал и после минутного раздумья продолжил: – Вот только пока неясно, кто именно стоит за всем этим. Соображения, конечно, имеются, но фактов катастрофически не хватает. Поэтому, Вьюн, не стану обременять твою светлую голову всякими домыслами, чтобы ненароком не направить по неверному пути. Мировой политический расклад на данный момент тебе известен, явные и потенциальные враги империи также. Осмотришься на месте, после чего и станешь делать выводы. Однако самое главное, мой мальчик, – Кевин аж вздрогнул: три раза в одном разговоре «мой мальчик» – это уже не перебор, это кризис, точнее признак глубочайшего душевного волнения архиканцлера, – ты должен вычислить того мерзавца,

что окопался в самом сердце Британии и вредит нам по полной. Сердцем чувствую, ходит где-то рядом эта сволочь, усмехается, мол, Непознанного за бороду поймал, теперь мне все дозволено. Ты уж постарайся, сынок. В случае чего, плевать на исполнителей – потом как-нибудь с ними разберемся – срочно возвращаешься с информацией. Покончим с «кротом», тогда и жить легче станет. Помни, о предстоящей операции знают лишь двое: я и, разумеется, его императорское величество Айвар Пятый. На этот раз утечки быть не должно. – В завершение разговора он извлек из ящика стола запечатанный конверт и увесистый кошель и положил на стол со словами: – Тут документы, кое-какие инструкции и сотня золотых. Отчитываться за них не нужно – его императорское величество из личных фондов пожаловал для соблюдения максимальной конспирации. – Архиканцлер еще раз посмотрел на Вьюна оценивающим взглядом, будто сомневался, стоит ли этому раздолбаю доверить столь важное дело. – Вопросы имеются?

Вопросов у Кевина было вагон и маленькая тележка, однако он ограничился всего лишь парой:

– Насколько я понимаю, ваша милость, помимо меня в Лионе будут работать другие наши агенты. Как насчет согласования совместных действий? И еще, как будет осуществляться связь с Центром?

– А ты догадлив, Вьюн, – уважительно проворчал Эбенар Дуго. – Так вот, помимо тебя там действительно будет еще кое-кто из наших. У них несколько иные задачи, поэтому пересячься вы не должны, но коль такое случится, вы никогда не были знакомы и любые контакты между вами исключаются. Насчет связи, сам понимаешь, в данной ситуации я не имею права доверять никому, поэтому полная автономия, по завершении операции вся добытая тобой информация должна лечь вот на этот стол.

Засим Кевин Фальк и всемогущий шеф Тайной Службы Британской империи Эбенар Дуго распрощались.

А еще через сутки особый уполномоченный агент прибыл из Лондиния – столицы империи в портовый Занд, откуда, собственно он должен был отправиться в беспокойную Европу.

Несмотря на не очень теплый прием со стороны капитана «Святой Эграфии» и косые взгляды прочих членов экипажа, настроение молодого человека было приподнятым. Как и большинство обитателей островной империи Кевин любил море и самого раннего детства видел себя моряком и никем более. Однако судьба повернулась иначе, еще в средней школе на ловкого и сообразительного юношу обратили внимание те, кому по долгу службы вменялось в обязанность всеми правдами и неправдами отстаивать государственные интересы как внутри, так и за пределами империи. Специалистам по вербовке стоило великих трудов уговорить юношу отказаться от карьеры военного моряка и ступить на тернистый путь бойца невидимого фронта. Без малого пятнадцать лет назад он все-таки дал свое согласие и ни разу об этом не пожалел. Но едва нога его ступала на палубу какого-нибудь корабля, на него накатывала легкая тоска по несбывшимся детским мечтам. Вот и теперь нашло. Ничего, скоро пройдет. В конце концов, не всем же бороздить просторы Мирового Океана. Кому-то нужно заниматься грязной (часто в прямом смысле) работой.

Тем временем пробили «рынду», а это означало, что наступил полдень – время обеда и скоро его как пассажира пригласят в кают-компанию. И действительно, через четверть часа в дверь каюты постучал вахтенный матрос:

– Господин Понти, капитан приглашает вас отобедать в компании офицеров.

Оказавшись в помещении кают-компания, Кевин с удивлением обнаружил, что все присутствующие успели переодеться в мундиры. Гость испросил разрешение капитана присутствовать. Сирус Венс, в свою очередь, представил пассажира и указал место за столиком третьего и четвертого помощников капитана.

Кормежка оказалась вполне съедобной, даже очень приличной. Не ресторанные разносолы, но все на весьма высоком уровне. После приема основных блюд, подали кофе и спиртные напитки. Капитан разрешил курить и первым извлек из кармана трубку и кисет. Большинство офицеров последовали примеру своего начальника. Кевин достал из специального нагрудного карманчика тонкую сигару с уже обрезанным кончиком и прикурил от поднесенной стюардом свечи. От кофе и глотка отличного рома он также не отказался.

Под выпивку и табачок народ разговорился. Фальк кратко поведал о цели своего путешествия на материк (разумеется, заранее заготовленную легенду), рассказал парочку свежих столичных анекдотов, чем изрядно повеселил уважаемую публику. Ненавязчиво без ненужной похвальбы упомянул о том, что еще совсем недавно служил офицером на военном флоте, но по состоянию здоровья вынужден был оставить службу. «Левую ногу раздробило во время абордажных учений, – уточнил он. – Хотели ампутировать, но судовой магцелитель – доброго ему здоровья – совершил невозможное – собрал ее по косточкам». При этом он продемонстрировал достаточно глубокие знания в области географии, навигации, а также свободное владение специальной судовой терминологией. К концу обеда на него уже смотрели не как на чужака, а как на своего флотского, хоть и бывшего.

Время до отплытия судна он провел на свежем воздухе. Прогулялся по верхней палубе, стараясь не мешать суесящимся матросам. Наконец присмотрел спокойное местечко на баке, где и простоял, любуясь до подхода двух весельных буксиров проходящими мимо судами.

Приняв брошенные с буксиров швартовочные концы, матросы сноровисто зафиксировали их на баковых кнехтах. Затем убрали трапы и отдали швартовы. Гребные команды обоих посудин дружно заработали веслами и «Святая Эграфия» неспешно, будто нехотя отвалила от причала и, постепенно набирая ход, направилась к выходу из Зандской бухты в открытое море.

Через пару часов шумный и суетный Занд скрылся в туманной береговой дымке, а подгоняемая попутным ветром красавица баркетина летела курсом на юго-восток, рассекая острым носом лазурные воды Северного моря.

Кевин Фальк так и простоял до самого ужина, любуясь скользящими параллельным курсом стаями дельфинов и внимая неблагозвучному гомону беспокойных бакланов. А сразу после вечерней трапезы попросил исполняющего обязанности судового цирюльника основательно укоротить ему волосы на голове, а заодно сбрить элегантную бородку и усы. Когда тот выполнил его просьбу, он посмотрел на себя в зеркало и удовлетворенно отметил, что практически перестал быть похожим на себя: помолодел, на лицо заметно округлел. Теперь его даже обожаемая Наталья вряд ли признает с первого взгляда. А что касается бледной кожи на месте отсутствующих бороды и усов, за неделю она успеет загореть и обветриться.

Дождавшись ухода вполне довольного цирюльника, труды которого были вознаграждены сестерцием, Вьюн тщательно собрал все до единого волоска, завернул в тряпицу и не поленился сходить на камбуз, чтобы отправить узелок в горнило кухонной печи. Затем вновь вернулся в свою каюту, где проспал сном праведника до начала следующего утра.

Последующие пять суток для нашего героя ничем особенно примечательным отмечены не были. Все размерено и заранее predetermined: ранний подъем, утренний туалет, интенсивная тренировка, завтрак, до обеда прогулка на верхней палубе, затем чтение прихваченного в дорогу авантюрного романа, перед ужином еще одна тренировка с холодным оружием и комплекс медитативных упражнений, а после вечерней трапезы легкий променаж на свежем воздухе и крепкий сон под скрип трущихся друг о друга досок и прочих деревянных конструкций.

Свой интерес к физическим упражнениям Кевин объяснил тем, что врачи настоятельно рекомендовали тренировать мышцы поврежденной ноги, и тогда, вполне возможно, ему поз-

волят вернуться на флот. Тем не менее, для своих тренировок он старался выбирать места малолюдные, чтобы своими фортелями не отвлекать народ от трудов праведных.

На шестой день плавания, миновав Геркулесовы Столпы, «Святая Эграфия» угодила в зону безнадежного штиля. Как-то разом напоминавшие груди дородной кормящей крестьянки паруса бессильно обвисли и даже не трепыхались. Навалилась невыносимая духота и тоска зеленая от осознания того, что путешествие может затянуться на неопределенное время. Единственным развлечением в этом томном царстве были регулярные и очень шумные разборки капитана и судового мага-стихийника.

– И за что я только тебе балбесу такие деньжищи отстегиваю?! – негодовал капитан Венс. – Когда, наконец, будет погода?!

– Я всего лишь адепт магии Стихий, а не Непознанный, – парировал маг – простоватого вида детина с рябым крестьянским лицом и большими сильными руками землепашца. – А это означает, что я управляю ветрами, а не создаю их. Надуть паруса – пожалуйста, но для этого должно быть хотя бы слабое дуновение ну хотя бы встречного ветерка.

Однако для расстроенного Сируса все его доводы оставались пустым звуком.

– А ты уж постарайся! Напряги собственные легкие и создай этот самый ветерок.

На что стихийник каждый раз резонно замечал:

– Ага, один умник рассказывал, как сам себя вытащил из болота за волосы. Так вот, все те, кто ему поверили и попытались повторить фокус, в лучшем случае повыдирали свои локоны, а в худшем... Короче, капитан, даже если все твои матросы выйдут на палубу и начнут дуть изо всех сил, с места мы не сдвинемся ни на дюйм – мочи не хватит. Так что придется нам смириться и ждать подходящей погоды, дня три, а может быть и все четыре.

Перспектива потери четырех дней настолько огорчала капитана, что он, прекратив бесплодные пререкания с «магом-неумехой», удалялся в свою каюту заливать горе прозрачным как слеза кубинским ромом.

Каждое утро все повторялось по новой. Стоило опухшему от неумеренных возлияний капитану выйти из своей каюты, он первым делом направлялся на бак к колдующему над своими треногами, хрустальными шарами и дымящимися жаровнями стихийнику. Затем на радость бездельничающей части команды между ними вновь разворачивались словесные дебаты полемического свойства. В конечном итоге расстроенный до соплей капитан вновь удалялся глушить горе спиртным.

После одной такой перепалки Кевин решился подойти к магу и застал его в совершенно обескураженном состоянии.

– Ничего не понимаю, господин Понти, – недоуменно пробормотал маг, – вокруг нас на двадцать миль полный штиль, а за пределами данной области устойчивый западный ветер. Да и не сезон для безветрия. Такое впечатление, что кто-то специально обеспечил нам его. К сожалению, я не аналитик, а всего лишь стихийник третьего круга. Был бы на моем месте мастер Стихий, а лучше мастер Комплексной магии, тот быстро разобрался бы, природное это явление или наведенные чары.

На третью ночь вынужденного дрейфа на горизонте появилось небольшое темное пятнышко, едва различимое при свете ночных светил. Постепенно пятнышко начало увеличиваться в размерах и вскоре превратилось в небольшую галеру. Подстегиваемые хлыстами надсмотрщиков рабы дружно и слаженно работали веслами, поэтому никакой штиль не смог помешать быстрому скольжению легкого судна по водной глади.

Появление в непосредственной близости неопознанного корабля, да еще в ночное время должно было непременно переполошить экипаж «Святой Эграфии», но этого не случилось, поскольку все, находящиеся на ее борту за исключением одного человека в данный момент пребывали в глубочайшем сне. Даже маявшийся в последнее время бессонницей маг

спал сном праведника и никакие проблемы, связанные с аномальными проявлениями природных стихий, его не волновали.

Не спал только старший помощник капитана Айрон Цурикс по прозвищу Беспалый. На левой руке у него отсутствовал большой палец, а на правой не хватало указательного, вот и заполучил от матросни обидное погоняло. К тому же Цурикса не любили за склочность нрава и склонность к интригам, и, что самое главное, штурманское дело тот знал из рук вон плохо. Венс не раз писал на него рапорты вышестоящему руководству о служебном несоответствии, но избавиться от прощелыги так и не смог. Старпом приходился какой-то дальней родней судовладельцу, и выгнать взащей его не позволяли высокие покровители на берегу.

Так вот, этот самый Цурикс в данный момент стоял на баке с зажженным фонарем в руках и подавал условные знаки в направлении приближавшейся галеры.

В паре кабельтовых от «Святой Эграфии» весла левого борта гребного судна дружно поднялись над водой и были втянуты внутрь корпуса, а правый борт продолжал грести. В результате Галеру развернуло левым боком к баркетине, и вскоре обе посудины вошли в тесный контакт через плетеные из пеньковых канатов кранцы. Тут же на палубу купеческого судна перепрыгнуло с полдюжины матросов. Они сноровисто связали суда швартовочными канатами и установили переходный трап.

Как только переходные мостки были надежно закреплены, на борт «Святой Эграфии» поднялся мужчина экзотической наружности. Массивный гигант росту под семь футов. Лицом он более всего походил на обезьяну: скошенная внутрь челюсть, вдавленный нос с вывернутыми наружу ноздрями, низкий лоб, близко посаженные маленькие и очень злые глазки довершали сходство с означенным животным. Одет мужчина был в дорогой камзол на голое тело, клетчатую юбку до колен. Не в меру волосатые ноги его были босы. На голове красовалась треуголка офицера имперского военного флота Британии, по всей видимости, трофейная. Столь экзотический, с позволения сказать, костюм однозначно указывал на принадлежность данного индивидуума к славному племени морских разбойников.

Темпос Чарви или Кровавый Чарви, именно так звали это обезьяноподобное существо. Один из самых отчаянных головорезов, промышлявших когда-либо на торговых путях Средиземноморья и Центральной Атлантики. За его голову Комиссиями по Борьбе с Пиратством многих государств Старого и Нового Света объявлена неслыханная награда: два полновесных таланта чистого золота, а это аж целых две тысячи британских империалов. Для его поимки регулярно отряжались целые группы боевых кораблей, но без какого-либо толку. Самые достоверные сведения о районе базирования его флота оказывались очередной дезинформацией, организованной верными людьми Кровавого Чарви. Пока его ловили в одном месте, он успевал нанести молниеносный удар по купеческому каравану или какому прибрежному городку и, захватив все ценное и множество пленных, вовремя умудрялся скрыться от карающей длани правосудия. Похищенное добро реализовывалось на черных рынках пиратских вольниц. За пленных требовали выкуп с родственников, а если те не имели возможности или отказывались по той или иной причине платить, продавали в рабство. На табачных, сахарных и кофейных плантациях Кубы, Большой Черепахи, Жемчужного архипелага или Крабовых островов Караибского моря даже самые крепкие не выдерживали больше пяти лет.

Спрыгнув с обезьяньей грацией с трапа на палубу баркетины, Кровавый Чарви широко заулыбался и легонько толкнул в грудь продолжавшего стоять с горящим фонарем в руках Айрона Цурикса. От чего старпом едва не шлепнулся на пятую точку.

– Чё хавальник раззявил как на бабу морскую?! – громко, ничуть не опасаясь, что его кто-нибудь услышит, прохрипел пират. – Не бойсь, Цурикс, ты все сделал правильно: сонное зелье подсыпал в котел и нам посветил для верности – будет тебе награда по заслугам. А

теперь веди в каюту, пассажира показывай! Возьмем парня и от греха подальше отчалим. Грабить корабль не будем – не по понятиям с сонными воевать.

Трясущийся от страха Беспалый, ожидавший увидеть кого угодно, только не это исчадие ада, медленно на негнущихся ногах потопал в указанном направлении, в сопровождении Чарви и двух его матросов, немногим уступавших своему предводителю в росте и комплекции.

– Вот, – указал он рукой на дверь нужной каюты, – здесь он.

– Точно это его каюта? – для верности переспросил Чарви.

– На борту всего один пассажир, господин капитан, – Айрон немного осмелел, даже позволил себе едва заметную язвину в голосе.

– Хорошо, – одобрительно кивнул головой Кровавый Чарви и, повернувшись к сопровождавшим его пиратам, коротко скомандовал: – Приступай, братва!

Резкий удар ногой и крепкую дубовую дверь снесло с петель. Не теряя времени, оба бросились внутрь. Затем из каюты донеслась негромкая возня и вскоре парочка вновь нарисовалась в полутемном коридоре, на плече у одного из них покоился крепко связанный человек с кляпом во рту.

– Уходим парни! – сказал главный пират и первым направился к выходу на палубу.

Когда компания злоумышленников вновь вернулась к трапу, старпом «Святой Эграфии» рискнул завести разговор о материальном вознаграждении.

– Э-э-э, ваша милость господин капитан Чарви, по условию договора мне должны выплатить определенную сумму.

На что Чарви буквально расплылся в самой своей очаровательной улыбке, больше похожей на оскал хищного зверя.

– Цурикс, ты живой?

– Так точно, капитан.

– На здоровье не жалуешься?

– Никак нет, капитан.

– Настроение как?

– Вроде бы ничего, – кисло промямлил старпом, сообразив, наконец, куда клонит волосяная обезьяна.

– Так чего же ты от меня хочешь, дорогой ты мой?! Жив, здоров, весел. Да тебе даже я – Темпос Чарви завидую черной завистью. Так что, паря, продолжай покамест таковым оставаться. А золото – пыль. Ты мужчина молодой, всяко на житуху безбедную заработаешь.

– Но... – Айрон, кажется, хотел что-то сказать, но, наткнувшись на откровенно-наглый взгляд безжалостного пирата, осекся.

Лишь теперь до сознания негодяя начало доходить, что, может быть, самое выгодное в его жизни финансовое предприятие, обещавшее неслыханные дивиденды, потерпело сокрушительное фиаско. Однако ему лишь оставалось покрепче стиснуть зубы и проглотить оскорбительные разглагольствования Кровавого Чарви. Хорошо, хоть аванс сообразил стрясти с заказчика. Сейчас бы встретить того субъекта на узкой дорожке... Впрочем, мысль о встрече с тем типом, что нанял старпома «на одно непыльное дельце» непосредственно перед выходом из Занда, была скорее бравадой, нежели истинным его желанием – уж больно глаза у того парня холодные и равнодушные как у спрута. Брр!.. до сих пор оторопь берет.

Тем временем Чарви, ничуть не озаботившись переживаниями Айрона Цурикса, перешел степенно по трапу на борт своей посуды. Не теряя времени, пираты перетащили плененного пассажира на галеру, убрали трап, смотали швартовочные концы, засим покинула палубу «Святой Эграфии». Четверть часа спустя очертания пиратского судна бесследно растаяли в ночной мгле, и вскоре, как по мановению волшебной палочки подул легкий ветерок, означавший конец изнуряющего безветрия.

О столь необычном ночном визите грозы морей Чарви Кровавого на борт «Святой Эграфии» никто из ее экипажа так никогда и не узнал, кроме, разумеется, обманутого Цурикса. Вот только болтать старпому об этом было вовсе не с руки, поэтому, несмотря на нанесенное ему оскорбление, он молчал до самого своего последнего часа. Стоит отметить, что ждать этого часа долго ему не пришлось.

Пропажа Талоса Понти, вполне естественно, здорово взбудоражила экипаж. Капитан Венс лично провел расследование загадочного происшествия, но так ничего и не выяснил. Решили, что пассажира утащило морское чудище, пробравшееся незаметно на борт «Святой Эграфии». Да так и записали в судовом журнале. Какое-то время некоторые странности в этом деле не давали покоя Сирусу Венсу, но как человек приземленный, он не стал забивать голову всякой ерундой. К тому же ночью закончился проклятый штиль, и его посудине предстояло наверстать упущенную трехдневку.

* * *

Просторное ярко освещенное полудюжиной магических светильников помещение без окон, явно подвал. По стенам стеллажи с алхимической посудой, заспиртованными в стеклянных банках уродцами, коробками с самыми разнообразными ингредиентами. Кругом столы с ретортами, весами перегонными кубами и прочим необходимым всякому практикующему магу оборудованием. Отдельно от всей этой чародейской атрибутики обычный письменный стол. За ним в неудобном деревянном кресле расположился мужчина. Длинноволосый сухощавый блондин, на вид слегка за сорок, глаза серо-голубые водянистые, нос длинный, подбородок тяжелый. Мужчина сосредоточенно вглядывался в лежащий перед ним шар дальней связи. Однако поверхность прибора продолжает оставаться глянцевой черной, отчего физиономия сидящего за столом человека недовольно кривится.

Наконец в глубине черной сферы появилось едва заметное пульсирующее свечение. Постепенно интенсивность и яркость его возрастала, и в какой-то момент шар как бы растворился в воздухе, а над столом возникла уменьшенная в несколько раз объемная фигура мужчины в черной робе адепта Темного Бога с низко надвинутым на лицо капюшоном.

– Во имя Ксарога! Рад видеть тебя Шестой после Бога, – произнесла на благородной латыни фигура.

– Во имя Ксарога! Тысячу тысяч жизней тебе Первый после Ксарога, – ответил на том же языке хозяин кабинета.

– Как наши дела? Прошу извинить старика, что столь долго не выходил на связь – пришлось лично убеждать короля Норвежского Харальда прислать в случае необходимости на помощь братьям-германцам своих лучших воинов – хирдманов, драконов и боевых колдунов – кебунов.

– Позволь узнать, чем закончилась твоя нелегкая миссия, Первый?

– Все отлично, Харальд оказался мужчиной благоразумным, падким на золото. Мы с ним поладили довольно быстро. Единственное, что меня задержало – недельный пир, устроенный в мою честь. Эти скандинавы – чисто дети, по любому поводу готовы эль хлебать и пляски с топорами устраивать. У тебя как? Чем порадуешь друг мой?

– Не могу пожаловаться, Владыка, – широко заулыбался блондин. – Осиное гнездо в Лионе приказало долго жить. Наши подопечные выжгли его за один вечер. Сорок восемь высококлассных британских разведчиков отправились во Тьму.

– Хорошая работа. Вот только бритты не полные дураки, наверняка пришлют в Лион парочку своих агентов. Тебе ли не знать, насколько высоко у них поставлена разведка.

– Наш человек в Лондини работает и работает отлично. Нам известны имена всех трех британских шпионов. Один, если не подвели пираты уже отчитывается перед своим

Непознанным. Двух других в самое ближайшее время ждет та же участь. Мои люди над этим работают.

– А как остальные мероприятия?

– Головной отряд дервишей уже в Лионе. Парни начали очень резво и навлекли на себя, как ни странно, гнев здешних воров...

– Ну отчего же странно? Воры, как правило, народ сплоченный, они тонко реагируют на любые изменения внешней и внутренней политической обстановки. Ну и как ты уладил данное недоразумение?

– Все в порядке, Владыка, наши парни разорили несколько притонов, гильдейские не дураки, все поняли и успокоились.

– Как дела при дворе?

– Превосходно. Мной проведены переговоры с вдовствующей королевой-матерью. Она дала свое согласие на... короче, ты понимаешь, что я имею в виду. Более того, сама предоставила в наше распоряжение все необходимые ингредиенты.

– Хорошо, когда планируешь провести обряд?

– Пока не к спеху. Через неделю-две две, пожалуй, будет в самый раз. Тогда подберу подходящего человечка и приступлю.

– Тебе на месте виднее, но с этим делом особенно не затягивай. Мало ли что выкинут велемудрые мужи с Туманного Альбиона.

– Насчет Тайной Службы его величества императора Британии можешь не беспокоиться, Владыка. Там у нас все схвачено. Все интересующие нас документы ложатся на мой стол без задержки.

– Более у тебя для меня ничего нет, Шестой?

– Ничего, Первый после Ксарога.

– В таком случае, до следующего сеанса!

– Рад был общаться с тобой, Владыка!

Глава 2

После ужина Кевин Фальк заснул на удивление легко. Он собирался почитать перед сном, но как только его голова коснулась подушки, веки сами собой смежились, и он провалился глубокий будто водная толща, на которой покоилась «Святая Эграфия», беспробудный сон.

Очнулся он от беспокойного царапанья и легкого укуса вытатуированного на груди тарантула. Оберегу все-таки удалось преодолеть действие сонного зелья и достучаться до сознания человека. Благодаря врожденному дару, бритт мгновенно сориентировался во времени – около четырех ночи. Вот только сообразить, отчего это вдруг вместо мягкой постели он оказался на какой-то жесткой поверхности, к тому же, со связанными руками и кляпом во рту никак не мог. Лишь осознал, что в очередной раз влип в какую-то неприятную историю.

«Ничего, Кевин, не впервой, – мысленно успокоил сам себя, – выкрутимся. На то ты и Вьюн».

Чтобы понять, что в данный момент он находится не на баркетине, а на палубе гребного судна, ему даже глаз открывать не пришлось. Характерное поскрипывание весел в уключинах и равномерные удары задающего темп гонга, проясняли ситуацию лучше всяких слов. А по сухому пощелкиванию бичей надсмотрщиков нетрудно было догадаться, что гребцами были не вольнонаемные матросы, а рабы или каторжники.

Собранных фактов пока что не хватало, чтобы сделать однозначный вывод о том, кому именно принадлежит данное судно. Это галера могла входить в состав флота любого Средиземноморского государства, а их не менее двух дюжин, или еще какой-нибудь островной монархии. Однако что-то действительно подсказывало Фальку, что в данный момент он находится в плену у пиратов. И в следующий момент это его предчувствие подтвердилось.

Неожиданно по его прикрытым веками глазам ударил яркий луч света, затем до ушей донесся разговор двух мужчин:

– Как поступим с этим парнем, Темп? Согласно договорным обязательствам: камень на ноги и за борт? Или у тебя насчет него имеются другие планы?

– Ты, как всегда догадлив, Грорк, – задорно рассмеялся тот, кого назвали Темпом. – Ты не смотри, что парнишка субтильный, он жилист и вынослив и на плантациях протянет лет пять, никак не меньше. А значит, за него без торга отвалит два десятка золотых монет. А если поторговаться... – и замолчал, не закончив фразы.

Теперь Фальк точно знал, в чьих лапах находится. Имена Темпоса Чарви и его правой руки Грорка были широко известны по всему Средиземноморью и даже на Караибях. Не то, чтобы он уж очень сильно испугался, но особой радости от встречи с безжалостными морскими разбойниками не испытывал.

– Но, Темп, заказчик действительно предупреждал, что этот парень крайне опасен и потребовал как можно быстрее избавиться от него.

– Ерунда, Цурикс постарался на славу, и этот пресловутый Вьюн от нас не ускользнул. А в связанном состоянии и подавно никуда не денется. Попадет на Кубу или острова Черепахи, быстро всю свою шустрость подрастеряет – там и не таких обламывали. Короче, Грорк, выбрасывать чистые деньги за борт я не собираюсь, что бы там себе ни понапридумывали наши наниматели. Тот, кто его купит, пусть делает с ним все, что угодно: хоть на плантации определит, хоть в гладиаторы, а хотя бы и за борт с камнем на ногах – мне до фонаря.

– Может все-таки заковать его в кандалы и в трюм определить? – не унимался Грорк.

– Полноте, Гуль и Нехор скрутили парня так, что вовеки веков ему не выпутаться, будь он хотя бы на самом деле вьюном. Пусть повалится на палубе, морским воздухом напоследок подышит. К тому же от дурной трюмной вони у него может испортиться цвет лица, что

существенно снизит его стоимость, – сострил Темпос и первым засмеялся над собственной шуткой. В следующий момент и Грорк разразился раскатистым громким смехом.

Еще с минуту оба постояли, любуясь распластанным телом обреченного на продажу в рабство человека, затем неторопливо направились в другой конец судна. Откуда вскоре до ушей пленника донесся хрипловатый бас Кровавого Чарви:

– Эй, маг, снимай заклятие! Пора под парус становиться.

И действительно вскоре легкий прохладный ветерок пронесся над палубой и удушающая влажная духота начала отступать под его напором.

Наконец у Кевина появилась возможность разомкнуть веки и осмотреться. Темно. Однако в отличие от суши, в море полной темноты, что называется «хоть глаз выколи» никогда не бывает. Если даже небо затянуто тучами, в воде непременно присутствуют мириады светящихся рачков и водорослей. Ко всему прочему, на баке горел довольно яркий фонарь. Хорошенько рассмотреть судно и его экипаж Вьюн по вполне понятной причине не имел возможности. Он лежал на корме у самого фальшборта между двумя бухтами толстого каната – довольно укромное местечко. По всей видимости, туда его определили, чтобы не мешался под ногами в случае аврала.

Между тем с рулевого мостика прозвучала команда: «Сушить весла!», а следом: «Ставить паруса!». С четверть часа на судне царили суэта и кажущаяся неразбериха. Наконец широкие парусиновые полотнища сначала затрепетали на ветру, затем разгладились, надуться и понесли на своих сильных плечах легкое суденышко.

Вскоре все вновь успокоилось. Вахтенные разбежались по своим штатным местам. Усталые гребцы, кряхтя и звеня кандалами, старались устроиться как можно удобнее на ночлег рядом с банками и веслами. Многие, спасаясь от ночной прохлады, поплотнее прижимались друг к другу.

В царящем на судне полумраке Вьюн не мог разглядеть лиц рабов, но прекрасно осознавал, что они чувствуют в данный момент и на какие жертвы готовы пойти лишь бы избавиться от позорной доли. И в его светлой голове начал постепенно вырисовываться план дальнейших мероприятий. На самом деле он не имел права не начать вырисовываться, ибо даже в самой безнадежной ситуации покорно ждать своей участи Вьюн не привык, а положение, в котором он оказался в данный момент, по его личной десятибалльной шкале колебалось где-то между шестеркой и семеркой, иначе говоря, на катастрофическое никак не тянуло. Ну валяется он опутанный прочными веревками с кляпом во рту. В первый раз что ли? Как сюда попал и по чьей вине ему известно, так что с этим еще будет возможность разобраться. А сейчас следует подумать о личной свободе, поскольку до рассвета остается не более полутора часов, и за это время ему предстоит очень много сделать.

Первым делом Вьюн полностью абстрагировался от испытываемых им телесных и душевных мук. Утихомирить боль оказалось не так уж и сложно, поскольку из-за нарушенного кровообращения он практически не чувствовал своего тела, а особенно конечностей. Успокоить нервы было значительно сложнее, поскольку поднимавшаяся с самого дна его потревоженной души злость никак не хотела униматься.

Наконец у него все получилось. Никаких мыслей в голове не осталось, никаких ощущений, лишь пылающая невыносимо ярким светом звездочка, будто лучик животворящего Солнца на тонком острие его шпаги. Именно на этой светящейся точке Кевин сконцентрировал все свои духовные устремления. Он приказал звездочке сместиться вправо, затем влево, потом сверху – вниз и снизу – вверх. Ему удалось, но у него даже не было возможности порадоваться своему успеху. Затем он отправил свое сознание в недолгий полет к этой искорке света и в следующий момент увидел себя как бы со стороны.

Если судить объективно, в данный момент он представлял довольно жалкое зрелище. Его основательно опутали веревками и, судя по обширному синяку на левом бедре, неакку-

ратно положили на палубу. В остальном, вроде бы, никаких претензий к истязателям, кроме, разумеется, самого факта пленения. Ну с этим он разберется в самое ближайшее время. Этот негодяй Темпос, еще пожалеет, что пожадничал и не отправил его на корм акулам и прочей морской живности.

Выйдя из тела, Кевин не стал терять времени даром. Самым тщательным образом осмотрел разбросанные по всей поверхности кожи, казалось бы, в хаотическом беспорядке, татуировки и никакого постороннего магического вмешательства не обнаружил. Все обереги и артефакты заряжены и готовы к работе. Отлично – он позволил себе слабую искорку приятных эмоций. Затем устремил свой астральный взор на выколотое на внутренней стороне левого предплечья весьма реалистичное изображение ящерицы длиной чуть больше десяти дюймов. Под его пристальным взглядом ящерка вдруг зашевелилась и, быстро-быстро задвигая лапками, перебралась сначала на плечо, с плеча соскользнула на грудь, затем по животу переместилась на бедро и, добравшись до колена, вытянулась будто струна. При этом зверек максимально растопырил нижние конечности и поджал передние так, что их вовсе не стало видно. Теперь ящерка более всего походила на тонкий стилет с острым лезвием, гардой и скругленной у основания ручкой. На краткий миг татуировка размазалась, потеряла четкость, и в следующий момент на ее месте появился самый настоящий кинжал.

Теперь, когда цель достигнута, Вьюн вновь вернулся в свое тело и осторожно, чтобы ненароком не пораниться о бритвенной остроты лезвие, переместил кинжал так чтобы его ручку можно было зажать между колен. Онемение в ногах здорово мешало его замыслу, но в конечном итоге ему это удалось. Передохнул с минуту, свернулся калачиком и, подтянув связанные руки к коленям, подвел тонкую полоску стали к стягивавшим их путам. При этом он старался соблюдать максимальную осторожность – не хватало пораниться и залить палубу собственной кровью.

Наконец обрезки веревок соскользнули с запястий, дальше дело пошло значительно веселее. Освободившись от пут, Кевин извлек изо рта вонючий кляп и очень удивился, каким образом столь внушительное количество тряпья могло вообще там поместиться.

Получив свободу, он внимательно прислушался к окружающим звукам. Все спокойно. На его напряженное сопение и манипуляции с татуировкой-артефактом внимания не обратили. Попытался пошевелить затекшими конечностями и едва не застонал от боли. Проклиная про себя местных умельцев вязания морских узлов, скрючился в позе эмбриона. Собрался с духом и мысленно устремился к небольшому дракончику, изображение которого украшало его левую лопатку. На этот раз он просто попросил: «Помоги!». В ответ дракончик зашевелился, расправил крылья и пыхнул огнем. В тот же момент сердце юноши заработало намного активнее, чем обычно, и кровь заструилась по жилам значительно быстрее. К тому же, оберег стимулировал эндокринную систему Вьюна, и железы внутренней секреции выбросили в кровь строго отмеренную дозу необходимых для очищения и стимуляции организма гормонов. Кевин едва не взвыл от невыносимой боли. Ощущение было такое, что по его жилам течет не кровь, а едкая кислота или испепеляющая лава. На его счастье, это продолжалось не очень долго. Как только организм очистился от токсинов, а циркуляция крови была восстановлена в полном объеме, боль ушла, и человек ощутил неопишное блаженство и легкость во всем теле.

Теперь он был вполне готов к осуществлению задуманного плана. Все-таки славно, что британские маги владеют методиками, недоступными прочим их коллегам, в частности искусством нанесения на кожу человека весьма и весьма полезных татуировок, значительно раздвигающих границы его возможностей и ставящих его едва ли не на одну ступеньку с магами. Мало кто вообще знает о замечательных свойствах означенных рисунков: только мастера магической татуировки и, разумеется, сами их носители. Понятное дело, ни тем,

ни другим нет резона широко распространяться об особенных свойствах той или иной картинке, украшающей тело того или иного индивида.

– Спасибо, Дракоша! – еле слышно, одними губами поблагодарил дракона Вьюн, тот в ответ легко царапнул его кожу острым коготком, мол, не стоит благодарности, мы же с тобой одна команда.

Не теряя времени, британец легко вскочил на ноги и с зажатым в руке ножом-ящерицей двинул вдоль борта судна в направлении спящих гребцов. Каким бы он ни был крутым героем, без посторонней помощи его план вряд ли удастся. Поэтому в первую очередь следовало обзавестись поддержкой со стороны готовых на все рабов.

Гребная палуба охранялась всего лишь парой полусонных матросов. С ними Вьюн разделался в два счета – свернул им шеи по очереди, так что те и не пикнули. Предсмертные судороги стражей и их приглушенные ладонью хрипы разбудили одного из невольников – крупного мужчину, чье лицо невозможно было толком разглядеть из-за волосяных зарослей, весьма неопрятного вида. Судя по нечесаным гривам и всклокоченным бородам рабов, хозяева судна не особенно заботились об их внешнем виде, к тому же, запашок от давно не мытых тел исходил умопомрачительный.

Приставив палец к губам, Фальк дал понять, невольнику, что проявлять каким-либо образом свои эмоции пока что не стоит. Вьюн сноровисто обыскал тела стражей. Как и ожидалось, ключ от кандалных замков оказался на шее одного из них. С его помощью невозможно снять рабский ошейник и прикованную к нему цепь (для этого необходимы зубило, молот и наковальня), лишь отстегнуть от банки, однако вряд ли такая мелочь способна помешать получившему определенную свободу рабу вцепиться зубами в глотку своего мучителя, на худой конец огреть все той же цепью.

Наспех спрятав мертвые тела под обрывком парусины, он зажал в руках ключ и пару трофейных сабель, направился к пробудившемуся бородачу и тихонько прошептал на латыни:

– Я друг, не бойся.

– Вообще-то я уже понял, что ты друг, – широко заулыбался галерник. – Если не ошибаюсь, это тебя недавно протащили сатрапы Кровавого Чарви в спеленатом состоянии. Откровенно говоря, я подумал – труп. А ты эвон как быстро оклемался. Ловкий, однако, парнище! Кстати, меня зовут Дроко – капитан Эльво Дроко. Три месяца назад мое судно было захвачено пиратами. Весь экипаж продали на острова, меня же Темпос агитировал в свою банду, а когда я не согласился, приковал к веслу, чтоб, значит, любоваться моими муками...

– Давай-ка, капитан, – бесцеремонно оборвал словоохотливого моряка Кевин, – свою печальную историю расскажешь после. А сейчас мне нужна помощь всех невольников. Надеюсь, никто из вас не откажется принять участие в небольшом развлечении?

– Если понадобится, каждый из нас жизнь отдаст за свободу, – пафосно провозгласил Дроко.

На что Фальк понимающе кивнул.

– Отлично, дорогой Эльво, вот только жизнями разбрасываться не стоит, они вам еще понадобятся. Короче, сейчас ты расскажешь мне все об этом судне, затем мы составим план совместных действий...

Подготовительные мероприятия заняли не более десяти минут. В краткой и лаконичной форме капитан Дроко поведал агенту всю интересующую того информацию. Затем они обсудили некоторые аспекты предстоящей операции. Наконец, Кевин вручил капитану ключ и пару сабель и легкой тенью заскользил в направлении юта. Его целью были апартаменты Кровавого Чарви. Пока рабы поочередно отстегивают себя от банок, задача Вьюна нанести максимальный урон противнику, а именно – обезглавить банду. Без своего руководителя пираты не смогут оказать достойного сопротивления обозленным до крайней степени

невольникам. К тому же, рабов на галере около восьми десятков, а пиратов не более пятидесяти. Большинство невольников опытные моряки, способные превосходно ориентироваться в судовых условиях. Их задача смести с верхней палубы вахтенную команду и заблокировать прочих пиратов в их каютах, расположенных на баке и подоспеть на помощь Вьюну, который в это время будет вырезать офицерский состав.

По пути он наткнулся на парочку вахтенных матросов и выверенными ударами сжатых в шепот пальцев оправил их к праотцам. Парни умерли мгновенно. А ему пришлось немного задержаться, чтобы убрать с узкого прохода мертвые тела. Затем посетил ходовой мостик и от греха подальше нейтрализовал вахтенного штурмана и стоявшего у рулевого колеса матроса. Хорошенько зафиксировал штурвал куском веревки. Теперь можно навещать в каюту Чарви.

У входа в кормовую надстройку он столкнулся нос к носу с одним типом весьма солидной комплекции. Сначала Вьюн подумал, что это сам главарь, поэтому с необычайным воодушевлением полоснул ножом по бычьей шее и моментально отскочил в сторонку, чтобы не угодить под кровавый фонтан, ударивший из поврежденной артерии. Когда же тот осел безжизненной тушей на основательно залитую кровью палубу, Фальк понял, что это не Темп. Откровенно говоря, огорчился он не очень – такого «кабанчика» походя завалить – великое дело.

Темпоса Чарви он обнаружил в капитанских покоях. Гроза Центральной Атлантики и прилегающих морей широко распластался на кровати соответствующего размера. Несмотря на широко распахнутые окна, от его громадной туши несло свинарником, винным перегаром и табачным дымом. На этот раз волчье чутье, не раз помогавшее избежать самых хитроумных ловушек, подвело легендарного пирата.

Кевин был предельно собран и готов к любому повороту событий. Подивившись габаритам натужно храпящего во сне человека, он критически посмотрел на зажатый в руке стилет. Подобной зубочисткой, пожалуй, лишь раззадоришь этакого гиганта. Даже если удастся перерезать ему глотку или артерию, не факт, что перед смертью тот не успеет раздавить Вьюна своими медвежьими лапищами. Сюда бы небольшую пушку и заряд шрапнели в голову, чтобы наверняка. Да где же ее взять?

Потихоньку, чтобы не побеспокоить спящего, Вьюн приблизился к постели, даже дышать перестал. Он решил покончить с Кровавым Чарви, загнав стилет ему в глаз. Молодой человек уже замахнулся, чтобы выполнить задуманное, но в этот момент пират широко зевнул и громко всхрапнул во сне. При этом его обычные на вид уши прямо на глазах агента увеличились в размерах и заострились сверху. Длилась метаморфоза краткий миг, однако этого вполне хватило, чтобы Кевина прошиб холодный пот, а его вознесенная для рокового удара рука резко остановилась.

Хвала Непознанному, что не позволил ему совершить глупость, которая вполне могла стать для него последней в жизни. Предводитель пиратов оказался метаморфом, точнее метаморфом-полукровкой. Вьюн этого никогда бы не понял, если бы на его глазах не произошла неконтролируемая трансформация ушей Чарви.

О метаморфах или великанах-оборотнях было известно немного. Насколько помнил Кевин Фальк из курса общей ксенологии Земли, эти загадочные существа обитают далеко на Востоке в горах Памира. В своем обычном состоянии метаморфы похожи на людей, только ростом и комплекцией значительно их превосходят. При желании могут принимать облик диких животных: волков, медведей, горных кошек и далее в том же духе. По непроверенным данным, в результате половых связей между людьми и метаморфами может появляться вполне жизнеспособное потомство.

Ага, по непроверенным. Теперь (во всяком случае, для Вьюна) это вполне установленный факт, поскольку на постели перед ним валяется самый настоящий полукровка, рожден-

ный от кошмарного союза человека и метаморфа. Вьюн лишь на мгновение представил, что могло случиться, если бы рука его не остановилась, и лезвие стилета вошло в глаз чудовища, и по спине его вновь пробежал вполне ощутимый холодок. Пробудившись ото сна, Темпос Чарви вытащил бы преспокойно нож из глазницы, и занялся отращиванием нового глаза, а пока восстанавливалось зрение, он с удовольствием вырвал бы Вьюну поочередно все конечности, потом, может быть, из великой милости открутил несчастному голову. Малоприятная перспектива, не правда ли? Получается, что в данном случае его ножичек не совсем подходящий вариант. Из все того же курса общей ксенологии Кевину было известно, что убить метаморфа довольно просто. Для этого его всего-то нужно либо сжечь, либо покрошить на мелкие кусочки, на худой конец, отделить голову от тела, тут же спрятать в какое-нибудь недоступное место, чтобы монстр не прирастил ее обратно, а потом подождать минут десять, пока тот наконец-то соизволит издохнуть. Поскольку особого выбора у Вьюна не было, последний способ показался ему наиболее приемлемым. К тому же, насколько он помнил, в смежном помещении, служившем рабочим кабинетом главарию пиратов, на столе поверх разбросанных в хаотическом беспорядке карт и каких-то бумаг лежала тяжелая абордажная сабля. По всей видимости, она играла роль своеобразного груза, препятствовавшего, гулявшему по каюте сквознячку основательно поразвлечься с документами.

Сабля оказалась слегка тяжеловата и великовата для нормального человека, зато отлично заточена. По большому счету, от Вьюна не требовалось лихо фехтовать ею, и для исполнения задуманного столь внушительная железка вполне годилась. Вернувшись к спящему телу, Вьюн хорошенько примерился и, широко размахнувшись из-за спины, резко ударил по бычьей шее спящего метаморфа-полукровки.

Британец и сам не ожидал, что у него получится с первого раза, но острый тяжелый клинок с легкостью рассек могучие мышцы, многочисленные артерии и вены, даже крепкие шейные позвонки для него не стали особым препятствием. Издав некое подобие хрипа, голова метаморфа отделилась от тела и, удивленно выпучив глаза, уставилась на непрошеного гостя. Много крови не было, поскольку поврежденные сосуды мгновенно закупорились, препятствуя фатальной кровопотере. Губы Темпоса Чарви усиленно задвигались, очевидно, он что-то хотел сказать, но поскольку воздух из легких в гортань не поступал, монолог получился беззвучным.

Вьюн прекрасно понимал, что это всего лишь половина дела. Сейчас пират очухается и постарается водрузить утраченную часть тела обратно на ее законное место. Пока будет проходить процесс регенеративного воссоединения частей тела, он вполне сможет отбиваться от наскоков Вьюна одними ногами. Поэтому, отбросив в сторону орудие убийства, Кевин подхватил проклятую голову за уши, подбежал к распахнутому окну и изо всех сил метнул ее в оконный проем. Приглушенный плеск однозначно возвестил о том, что голова метаморфа упала за борт.

Кевин до последнего момента боялся, что она за что-нибудь зацепится и упадет на палубу. В этом случае существовала реальная возможность того, что чудовищу удастся до нее добраться. Теперь на душе заметно полегчало – Кровавый Чарви в любом случае обречен на смерть. Его же задача, побыстрее ускользнуть куда-нибудь подальше от агонизирующего тела.

Только подумал, как гигантская туша резко подскочила со своего ложа и, подчиняясь каким-то неведомым никому инстинктам, рванула напрямик к Фальку. При этом безголовый обрубок плоти прямо на глазах изрядно перепуганного британца начал обрастать густой звериной шерстью, а на пальцах его рук и ног как по мановению волшебной палочки появились острые серповидные когти.

Взмах могучей лапы, и если бы Кевин не проявил завидной ловкости и прыти, когти твари разодрали бы ему живот. Агент имперской разведки, не задумываясь, грохнулся на пол

и быстро шмыгнул под широкую кровать, рассчитывая там переждать предсмертную агонию монстра. Однако лишенный головы, а значит, зрения, слуха и обоняния Темпос Чарви каким-то поразительным образом умудрялся отслеживать все перемещения Вьюна. С завидной ловкостью он подскочил к кровати и одним взмахом перевернул, едва не придавив ею своего убийцу. Вьюну вновь лишь чудом удалось проскользнуть мимо не на шутку разъяренного метаморфа. На его счастье дверь спальни была широко распахнута, и он не преминул воспользоваться ситуацией – выбежал в кабинет, а оттуда со всех ног рванул к выходу на палубу. Волосатое чудовище тут же метнулось за ним вслед, но тут Кевину повезло еще раз, монстр наткнулся на вышеупомянутый стол с бумагами, в результате сбавил темп, тем самым позволил Вьюну распахнуть дверь и выскочить в ведущий на верхнюю палубу коридор.

Оказавшись на свежем воздухе, наш герой рванул со всех ног как можно дальше от капитанских апартаментов. При этом он не забыл два раза пронзительно свистнуть. Таким образом, он подал сигнал Эльво Дроко к началу восстания. Вскоре до его ушей донесся приглушенный гул и топот множества ног – это освободившиеся от оков рабы галерники поднялись для того, чтобы наконец поквитаться со своими мучителями.

Между тем, обезглавленному чудовищу, бывшему совсем недавно отчаянным пиратом Темпосом Чарви также удалось выбраться на свежий воздух. И тут он наткнулся на трех выскочивших на шум из кают офицеров своей команды. Парни оказались неробкого десятка. Едва завидев монстра, они попытались с помощью абордажных сабель и пистолей разделаться с ним, приняв его за демона или еще какое исчадие Бездны. Они даже не могли предположить, что воюют со своим обожаемым командиром. Впрочем, сражались они недолго. Рассерженное потерей головы чудовище, в считанные мгновения разметало и растерзало троих героев, получив при этом минимальные повреждения. И все-таки в схватке со своими бывшими товарищами метаморф наконец-то израсходовал запасы той загадочной эманации, что позволяла ему сохранять активность столь продолжительное время. Его движения стали вялыми, неуверенными. Из последних сил чудовище доковыляло до фальшборта и, перегнувшись через планширь, скользнуло в темноту водной пучины. Вполне вероятно, оно подчинялось зову утерянной головы, а может быть, все это произошло по чистой случайности. Во всяком случае, сам Чарви никому об этом уже не поведаст.

Захват судна бывшими рабами произошел довольно быстро. Деморализованный экипаж был частично перебит, частично заперт в трюме. К восходу власть на борту «Призрачной Медузы» (именно такое название носила галера) полностью перешла в руки восставших, при этом их потери убитыми составляли всего пять человек.

Единогласно временным капитаном был избран Эльво Дроко. Поскольку большинство бывших рабов были уроженцами Италии, на общем собрании было принято решение идти в Неаполь. Там сдать судно и оставшихся в живых пиратов властям.

К Кевину отнеслись уважительно, даже с определенной долей преклонения – каждый понимал, что без этого человека им пришлось бы до конца жизни вращать тяжелые весла без какой-либо надежды стать свободными людьми. Поэтому все охотно откликнулись на его просьбу высадить на полуострове Мальгаут. Свое решение он мотивировал экстренной необходимостью как можно быстрее оказаться в столице Гельвеции, что, по большому счету, было чистой правдой. Однако у Вьюна были также и другие соображения, на сей счет, коими из-за специфики своего рода деятельности он не собирался ни с кем делиться.

Сразу после захвата власти бывшими узниками, Кевин Фальк лично допросил нескольких плененных. В их число входили судовой маг и тот самый Грорк, что расспрашивал Чарви насчет дальнейшей судьбы плененного агента Тайной Службы. Разговор проходил в наспех приведенной в порядок каюте капитана. Британец вольготно расположился в кресле за столом, допрашиваемых усаживали на жесткий деревянный табурет напротив.

От простых матросов толку было мало. Душещипательные истории о том, как злые пираты захватили их в плен и под страхом смерти вынудили примкнуть к вольнице, были похожи друг на друга как две капли воды и очень быстро надоели Фальку. Маг также ничего интересного не рассказал. Он был феноменально сильным стихийником, но удивительно наивным человеком и, вообще, не подозревал о том, что сотрудничает с пиратами. К нему пришли «приятные молодые люди, очень вежливые» и, посулив большие деньги, наняли для выполнения определенной работы. Он должен был устроить продолжительный штиль в указанном нанимателями районе Средиземного моря. Ничего не подозревавший маг честно выполнил свою работу – обеспечил трехсуточное безветрие на акватории площадью в пятьсот квадратных миль.

«Получается, подозрения стихийника «Святой Эграфии» были вполне обоснованными, – подумал Вьюн и, вспомнив озадаченную физиономию простоватого мага, улыбнулся. – Зря я тогда не обратил не его слова должного внимания. Впрочем, если бы и обратил, вряд ли это помогло бы мне избежать неприятностей».

Разговор с Грорком, как и надеялся Вьюн, оказался довольно продуктивным. Помощник Кровавого Чарви хоть и не владел информацией в полном объеме, знал довольно много. Лишь благодаря вмешательству Фалька ему удалось избежать лютой смерти от рук захвативших власть на судне рабов, и бритт, в свою очередь, ждал от него ответной благодарности. Все-таки поначалу пират заартачился, мол, просто так на сотрудничество со следствием не пойдет, и попытался торговаться, мол, я выкладываю как на духу все, что мне известно, а в обмен за это получаю лодку с недельным запасом воды и провианта. Пришлось Кевину в краткой, но вполне доступной форме объяснять наглецу, что стоит ему только бровью повести, как могучая туша Грорка будет к великому удовольствию новой команды «Призрачной Медузы» определена на одну из рей по его выбору, разумеется, с петлей на шее. А так у него есть шанс оказаться в руках римского правосудия, которое славится на всю Европу снисходительностью к самым отъявленным негодяям. Двадцать пять лет каторги, которые ему светят, – срок, конечно, приличный, но ведь Грорк человек не бедный и с помощью денег может значительно скрасить свою жизнь в неволе, а со временем выкупить себе свободу.

– Хорошо, – сдался, наконец, сообразительный пират, – я отвечу на твои вопросы.

– Вот так-то лучше, – ободряюще кивнул головой Вьюн. – Для начала поведай-ка мне всю предысторию, связанную с моим захватом.

– Да нечего особенно и рассказывать, – пожал плечами Грорк. – Сидим мы со стариной Темпом в «Бородатой Русалке», что в испанском Гадесе. Сидим, значит, трапезуем. Хороший там ром, скажу тебе, бритт, и девки славные, а кормежка...

– Не отвлекайся, Грорк, иначе наша беседа так никогда и не закончится.

– Короче, сидим, никого не трогаем. Неожиданно франт какой-то к нам пришвартовывается и с места в карьер предлагает двести золотых за пустяшную работу. Мол, ничего особенно делать не нужно, только принять мага-стихийника на борт, затем на веслах войти в созданную им зону полного штиля и забрать с борта купеческой посуды одного человека. – Грорк кивнул головой в сторону Вьюна. – Значит, тебя, паря. Двести монет даже для Чарви деньги не пустяковые, а когда они сами идут в руки, кто же откажется. Капитан даже лично согласился возглавить экспедицию, типа собственными глазами посмотреть на того хмыря, за которого такие бабки отстегивают. Ну мы и сделали все, как просил заказчик. Тут же отправились в Новый Карфаген, где приняли на борт «Призрачной Медузы» стихийника и рванули на перехват «Святой Эграфии». Операция прошла без сучка, без задоринки. Как было обещано нанимателем, на судне все спали мертвецким сном, лишь подмешавший сонное зелье в жратву старпом...

– Вот же тварь этот Цурикс! – не удержался от возмущенного возгласа Кевин, и пальцы его нервно заскребли по подлокотнику кресла. – Непременно доберусь до него!

Грорк уважительно посмотрел на бритта и подумал:

«Этот, коль чего удумает, уж точно сделает». – А вслух сказал: – По договоренности с заказчиком тебя с грузом на ногах должны были отправить за борт, но Темпос оказался чересчур жаден. Он решил, подзаработать еще несколько золотых монет. Поэтому тебя не утопили, а оставили валяться на верхней палубе без присмотра. Заказчик уверял, что сонное зелье действует не меньше полусуток. Но ты, оказался крепким орешком и очухался намного раньше. Что произошло дальше, ты и сам прекрасно знаешь.

Отпустив пирата, Кевин Фальк принялся мысленно прокачивать ситуацию. Получается весьма и весьма занятная штукавина. Как только архиканцлер Дуго ознакомил его с предстоящим заданием, об этом тут же стало известно врагам империи. Интересно выходит. Архиканцлер уверял, что о готовящейся операции знают лишь двое: он и его величество Айвар Пятый. Поскольку ни архиканцлер, ни император не заинтересованы в провале агента, следовательно, есть третье осведомленное лицо. Именно этот Некто организовал утечку информации, и за Вьюном началась самая настоящая охота.

Вот только не очень понятно, для чего понадобилась столь сложная комбинация с пиратами, магами-стихийниками и продажными старпомами? Не проще ли было устранить его еще в Британии, по дороге в Занд или, не привлекая пиратов, доверить его ликвидации продажному Цуриксу? Этот за лишний золотой вполне мог полоснуть спящего человека ножиком по горлу, затем легко избавиться от мертвого тела. Замысловатая, однако, получается комбинация.

Но, крепко поразмыслив, британец пришел к некоторым отнюдь нерадостным выводам. Вне всякого сомнения, против него работают специалисты из какой-то пока неведомой конкурирующей спецслужбы. Вряд ли там сидят дураки и тупицы, готовые ради даже самой благородной (с их точки зрения) цели усложнять себе жизнь. К операции, разумеется, подключены высококлассные маги предсказатели и аналитики. И если бы вероятность его успешной ликвидации каким-нибудь менее изощренным способом была на уровне приемлемой, столь загогулистую и дорогостоящую авантюру никто бы не стал затевать.

Если подумать хорошенько, вряд ли Фальк позволил бы наемному убийце так просто устранить себя по дороге в Занд, у трусливого старпома вполне могла дрогнуть рука, и, проснувшись от боли, британец сумел бы оказать незадачливому убийце достойное сопротивление. В этом случае, Кевину сразу стало бы понятно, что враг в курсе его задания, и как опытный агент он непременно изыскал бы тысячу и один способ уйти из-под контроля со стороны конкурирующей фирмы. Нет, его хотели устранить грубо, без особых изысков и в то же время со стопроцентной гарантией. И то, что не получилось, вовсе не заслуга Фалька, а роковая ошибка самонадеянного Чарви. Кстати, насчет метаморфа, по возвращении в Лондиний нужно будет непременно пообщаться со спецами. Прецедент налицо, а значит, существует реальная угроза массового внедрения метаморфов в человеческое общество со всеми вытекающими последствиями. Но пока тотальное засилье этих тварей людям не угрожает, следует подумать о делах насущных.

Тут, как говорится, нет худа без добра. Теперь Кевину Фальку доподлинно известно, что его миссия рассекречена, а также то, что в королевстве Великая Гельвеция затевается нечто нехорошее. Иначе с чего бы поднимать всю эту кутерьму вокруг рядового агента Тайной Службы, посланного расследовать обстоятельства гибели товарищей?

Королевство гелветов и империя бриттов вот уже несколько сотен лет являются добрыми соседями и верными союзниками. «Доброхотов» стремящихся расшатать данный союз вокруг пасется видимо-невидимо, поскольку слишком уж богато живут подданные его королевского величества Вахана Двенадцатого и его императорского величества Айвара Пятого, чтобы ни у кого из соседей не возникло соблазна урвать хотя бы толику от этих богатств, а лучше всё сразу. Однако мощный имперский флот и несокрушимые гелветские легионы

не раз становились неустранимым препятствием на пути разного рода амбициозных планов захватнического толка.

Как гласит народная мудрость: «Предупрежден, значит, спасен». Вьюн мысленно возблагодарил Непознанного за то, что тот в очередной раз отвел от него смертельную опасность и не позволил во младости лет сгинуть в морской пучине или заживо сгнить на плантации кофе или сахарного тростника. До подхода к Мальгауту у него есть пара дней. За это время он еще много раз успеет хорошенько обмозговать сложившуюся ситуацию и разработать свой собственный план действий. Его задание в Лионе никто не отменял. К тому же у Фалька накопилось очень много разного рода вопросов, которые он непременно должен кому-нибудь задать и, понятное дело, получить на них ответы. Вот только кому они адресованы, молодой человек пока что не знал.

Итак, отныне мелкопоместного дворянина Талоса Понти более не существует, а кто появится вместо него, время покажет.

* * *

С самого утра на душе Гадеона Кейнмайра кошки скребли. Вот так бывает: на небе ни облачка, птички поют, в кармане не пусто – а на душе гадостно. Если бы он был простым обывателем, скорее всего списал бы свое состояние на обычную хандру, свойственную каждому человеку. Но Гадеон был профессиональным разведчиком, прошедшим, помимо серьезной теоретической и практической подготовки суровую школу жизни. За двенадцать лет безупречной службы десятки выполненных заданий и ни одного прокола. И вообще, это сейчас он был Гадеоном Кайнмара, на самом деле настоящее его имя известно ограниченному кругу лиц, а в зашифрованных донесениях и сводках британской Тайной Службы он проходил как агент Юла.

Если бы Гадеону не предстояла важная встреча, он непременно поступил бы как советовали штатные психологи, занимавшиеся в свое время его подготовкой. А именно: залег бы в одну из своих тайных берлог с какой-нибудь красоткой и расслаблялся до тех пор, пока тревожные предчувствия не развеются как утренний туман под лучами дневного светила.

К сожалению, данный вариант для него неприемлем, ибо этой ночью он получил зашифрованное сообщение, из которого следовало, что к полудню следующего дня он должен быть в таверне «Лошадиная голова», что в двадцати милях от Медиолана. Там его будет ждать человек из Центра.

Казалось бы, ничего экстраординарного, обычная агентурная практика, и все-таки от чего-то на душе было гадостно и неприятно.

«Лошадиная голова», обычная придорожная таверна, частенько использовалась британскими агентами для разного рода конфиденциальных встреч. Место тихое, поскольку расположено не на главном торговом пути, соединяющем Медиолан со столицей Великой Гельвеции, а на второстепенном тракте.

Прежде чем явиться в назначенное место, Юла выполнил все полагающиеся меры предосторожности. Не доезжая примерно мили, свернул в лес, оставил коня попасть на лесной поляне, а сам пешком направился к «Лошадиной голове».

Внешний осмотр не выявил ничего подозрительного. С полдюжины крестьянских телег, хозяева которых еще вчера после удачного торгового дня заглянули на огонек пропустить по стопочке, да ненароком подзадержались и очухаются еще не скоро – уж очень вкусна и крепка здесь граппа. У кормушек лошади хрумкают овсом и время от времени радостно пофыркивают, мол, когда еще так побездельничать доведется.

И все равно на душе тревожно. Так и подмывает рвануть со всех ног к своей лошадке.

«Успокойся! – приказал сам себе Юла, – Бояться нечего ты на территории союзного государства».

Вроде бы немного отлегло от сердца. Стараясь выглядеть как можно беззаботнее, он вышел из лесной чащи и направился напрямик к дверям заведения. Во дворе ни единой живой души, кроме лошадей, да престарелого лохматого кобеля, который давно привык к людям и при появлении чужаков не вякал, лишь добродушно помахивал хвостиком.

Перед тем как распахнуть дверь таверны, британец поправил кинжал на поясе, на всякий случай взял в обе руки по паре метательных ножей – этим искусством он владел в совершенстве.

Предчувствия его не обманули. Едва его нога переступила порог «Лошадиной головы», наметанный глаз тайного агента зафиксировал массу подозрительных моментов. Во-первых, за стойкой находился не сам хозяин или кто-то из его слуг, а совершенно незнакомый ему человек. Во-вторых, сидящие за столами люди не очень походили на возвращающихся с базара крестьян и мелких купцов-перекупщиков. Это были физически хорошо развитые парни до тридцати лет. Несмотря на то, что в его сторону никто не посмотрел, Гадеон прекрасно понял, что угодил в ловушку.

Впрочем, не все еще потеряно. Не мешкая ни мгновения, британец метнул свои ножи. Для этого ему потребовалось лишь два удара сердца. Он не стал ждать результата – без того знал, что все четыре бритвенной остроты клинка если не убьют, по крайней мере выведут на время из строя четверых преследователей. Ножи еще находились в полете, а Юла уже развернулся и бросился наутек, мысленно ругая себя самыми последними словами за то, что проигнорировал тревожные послы подсознания.

Как оказалось, засаду организовали вовсе не олухи, а прекрасно подготовленные специалисты. Не успел Юла сбежать по ступенькам крыльца, как из ближайшего сарая на переизрез ему метнулись три быстрые фигуры. Но и британец также был не лыком шит. Одного он свалил ударом ноги в живот, второму вонзил нож в грудь, третьему собранными в щепоть пальцами раздробил гортань.

Теперь к нему появился шанс добежать до деревьев, а там будет время и возможность активировать парочку артефактов-наколов и никакая ищейка его не сыщет.

Беглец находился в десяти шагах от спасительной кромки леса, когда перед ним заискрилось, нечто, напоминающее сверкающую в ярком свете солнечного морозного дня парящую в воздухе изморось. Мириады мельчайших кристалликов вовсе не выглядели чем-то опасным, к тому же набравший скорость Гадеон при всем своем желании не успел бы притормозить. На полном ходу он врезался в радужный хоровод обманчиво невесомых льдинок, и в следующий момент буквально взорвался кровавым облаком. Висящая в воздухе «изморось» оказалась прочнее алмаза и несокрушимее скалы. Будто миллионами фрез она растерзала бедного Юлу на бесчисленное количество мельчайших кусочков. Повисев пару мгновений в воздухе, облако начало конденсироваться в более крупные капли, затем обрушилось кошмарным дождем, окрашивая землю и траву в характерный алый цвет.

Вскоре к месту гибели британского агента подошли его преследователи. Среди них был субтильной наружности неприметный мужчина, в повседневной одежде небогатого горожанина. Однако именно на него были направлены уважительные и даже слегка напуганные взгляды прочих членов банды.

– Мэтр, Хольман, – обратился к нему один из здоровяков, – это, конечно, не наше дело, но насколько мне помнится, нам приказали взять британца живьем.

На что мужчина лишь криво усмехнулся.

– Не волнуйся, Безз, несмотря на его гибель, договор об оплате ваших услуг остается без изменений. Я доволен тобой и твоими ребятами, так и доложи руководству Ложи.

– Благодарю, ваша магическая милость, – радостно заулыбался тот, кого назвали Беззом, и, переведя взгляд на залитую кровью траву, добавил: – Лихо вы его, господин Хольман.

Тот лишь улыбнулся и небрежно бросил:

– Таверну сжечь!

– Слушаюсь, ваша магическая милость.

Через четверть часа на месте «Лошадиной головы» бушевал яростный костер. Поджигателей полиция Медиолана так и не обнаружила.

Глава 3

Южная оконечность полуострова Мальгаут мыс Дельфиний Нос, как и предсказывал капитан Эльво Дроко, выплыла из туманного марева ровно через двое суток после описанных выше событий. Несмотря на то, что «Призрачная Медуза» имела неглубокую осадку, близко к берегу подходить не рискнули. Огромное количество торчащих из воды и скрытых под ее поверхностью обломков скал делали этот район крайне опасным для судоходства. Даже рыбаки на своих баркасах и фелуках не рискуют сюда заплывать, несмотря на обилие рыбы и других ценных промысловых объектов. Из-за отсутствия морского сообщения с внешним миром и хронической нехватки пресной воды Дельфиний Нос был малолюдным местечком. Однако именно отсюда можно было быстрее всего добраться до Карзандо, крупного портового города, расположенного на северо-западе полуострова.

Четверо матросов с помощью лебедки сноровисто опустили шлюпку на воду. Затем подали спустившемуся туда Кевину туго набитый заплечный мешок с провиантом и кое-какими вещичками, а также пару баклаг с пресной водой и небольшую баклажку рома – на всякий случай. Деньги в размере двадцати гельветских золотых были надежно защищены в подкладку куртки, еще полсотни сестерциев лежали в кармане, упакованные в кожаный кошель. В каюте покойного Темпоса Чарви нашлось немало золота и серебра и Вьюн был в праве потребовать львиную долю, однако делать этого он не стал, и трофеи поделили поровну между бывшими рабами. К тому же Кевин с легким сердцем отказался от причитавшейся ему доли от награды, объявленной за голову Темпоса Чарви и запертых в трюме пленных пиратов.

Кевин Фальк вовсе не был бессребреником и при других обстоятельствах не упустил бы своей выгоды, однако в данный момент ему было не с руки проявлять жадность. Во-первых, британцу не хотелось своими, в общем-то, вполне обоснованными претензиями настроить против себя кого-нибудь из членов команды. Во-вторых, золото – штука тяжелая, и тащиться полторы сотни миль по пустынной безводной местности с лишним грузом на плечах – занятие для дураков и безголовых корыстолюбцев. Уж лучше прихватить лишнюю пинту воды. Что же касается презренного металла, Вьюн обладает достаточной квалификацией, чтобы добыть пару-тройку золотых на мелкие расходы, а при острой необходимости – сколько потребуется. Справедливости ради стоит отметить, что в Карзандо он вовсе не собирался заниматься преумножением своего благосостояния. Фальк рассчитывал встретиться там с парочкой старинных приятелей: бывшим врагом, коему он помог в свое время избежать верной гибели и одним магом, нелюдимым и хмурым на вид, но добрейшей души стариканом. Главное, чтобы интересующие его персоны оказались на месте. А в том, что они не откажут ему в любой посильной помощи, Вьюн нисколечко не сомневался.

По команде старшего матросы лихо взмахнули веслами. Шлюпка отвалила от стоящей на якоре «Призрачной Медузы» и легко заскользила в направлении пустынного берега. Расстояние в пять миль преодолели примерно за час. Войдя в широкую полосу прибоя, лодка несколько раз проскрежетала днищем по замаскированным пеной камням. К счастью, все обошлось вполне благополучно. Вскоре матросы гребли в обратном направлении, а Кевин Фальк с берега наблюдал за тем, как утлое суденышко выбирается из опасного мелководья. Наконец полоса прибоя осталась позади, и бритт перевел дух. Отныне дальнейшая судьба «Призрачной Медузы» и ее экипажа его мало беспокоила – люди взрослые сами о себе способны позаботиться.

Взвалил мешок на плечи, погладил ладонями рукоятки двух пистолей за поясом, поправил перевязь со шпагой. Её он обнаружил в одной из кладовых корабля. Абордажная сабля – не совсем подходящее оружие для его руки, шпага привычнее. К тому же, с ней он выглядел

как истинный дворянин, а не разбойник с большой дороги, и у встречных стражей правопорядка не должно возникнуть к нему ненужных вопросов. Последнее обстоятельство имело немаловажное значение до тех пор, пока он не обзавелся документами, легализующими его положение на территории королевства. Ничего, скоро он доберется до Карзандо, а там, если будет угодно Непознанному, надежные люди помогут.

Расстояние от южной оконечности полуострова Мальгаут до Карзандо Кевин преодолел за три дня.

Под вечер вторых суток своего путешествия он перевалил через невысокий горный хребет и выбрался, наконец, из засушливой полупустыни на плодородные равнины Южной Галлии. А к ночи вышел к небогатой деревушке. По причине отсутствия гостиницы, он напросился на постой к одному крестьянину, чей дом выглядел попримечательнее прочих. Проблем языкового свойства не возникло – галльский Кевин знал в совершенстве.

За небольшую плату его накормили простой здоровой пищей, спать постелили в небольшом флигеле в саду.

Предыдущую ночь Кевин, опасаясь нападения хищных животных, ядовитых змей и насекомых, пустынных призраков, высасывающих жизненную энергию, или еще каких тварей, практически не сомкнул глаз. Поэтому едва лишь голова его коснулась подушки, он моментально отключился. Ни оглушительный стрекот цикад, ни одуряющие ароматы цветущих и плодоносящих деревьев, ни периодические уханья крылатых ночных охотников ничуть его не беспокоили, наоборот, способствовали крепкому здоровому сну. Кевину даже какой-то сон приснился, светлый и очень добрый.

Он купался в этом своем сновидении, наслаждался покоем, общался с приятными людьми, многих из которых уже давно не было в живых. Но в какой-то момент яркие сочные образы как-то резко поблекли, и его будто слепого котенка за загривок подхватила чья-то крепкая рука и безжалостно выкинула из блаженного состояния в реальность. И реальность эта оказалась весьма и весьма неприятной.

Еще окончательно не пробудившись, наш герой понял, что был разбужен «укусом» обвивавшей его правую руку от запястья до локтевого сустава змейки-оберега. На этот раз нанесенная на кожу татуировка сработала, как полагается, и предупредила своего хозяина о какой-то пока еще неведомой опасности. В следующий момент дракон на его лопатке выдохнул струйку «огня», помогая Вьюну как можно быстрее мобилизовать свой организм для встречи с грядущими неприятностями.

Со стороны Кевин Фальк продолжал выглядеть крепко спящим. Ни пульс его, ни дыхание не изменились. На самом же деле в течение считанных ударов сердца он полностью пришел в себя и был готов к встрече лицом к лицу с любой опасностью.

Вскоре едва уловимое движение воздуха, позволило молодому человеку сделать однозначный вывод, что помимо него в небольшой комнатке есть еще кто-то. Этот кто-то сумел беззвучно проникнуть в запертое изнутри помещение, он умеет перемещаться так, что человек без специальной подготовки ни при каких обстоятельствах не смог бы почувствовать его присутствия.

Вьюн максимально сосредоточил внимание на незваном госте и вскоре, не прибегая к органам зрения, доподлинно знал, в каком месте тот находится и чем занимается. Вдобавок по легкому специфическому запаху, который не смогли заглушить доносившиеся в открытую форточку ароматы ночного сада, он догадался, что за существо явилось по его душу и это знание весьма и весьма ему не понравилось. Впрочем, вряд ли кому-то вообще могло прийти по душе то, что в непосредственной близости от него находится трансильванская тварь, готовая вонзить свои полые иглы-клыки в его шею и в считанные мгновения осушить до последней капли крови. Перспектива превратиться в мумифицированный труп не прибавила энтузиазма и нашему герою, но ему все же удалось проявить должную

выдержку. А чтобы скрыть охватившее его волнение, британец громко всхрипнул и перевернулся на другой бок – вполне естественное поведение для спящего человека. Теперь через слегка приоткрытые веки он имел возможность наблюдать за действиями кровососа, явившегося – как несложно догадаться – по его душу. При этом он лихорадочно соображал, что именно из своего, в общем-то, небогатого арсенала он способен предоставить практически неуязвимому чудовищу. Лежащие под подушкой пистоль и кинжал, а также висящая в изголовье кровати шпага отпадали сразу, поскольку вампиры обладают высочайшей регенеративной способностью, и никакие раны, нанесенные обычным оружием, им не страшны. Да и не успеет он воспользоваться ни шпагой, ни пистолем, ни кинжалом. Остается надеяться на татуировки-артефакты, вот только активировать их нужно в самый последний момент, когда клыки чудовища вот-вот коснутся его шеи. Еще со студенческой скамьи Кевину было известно, что только лишь в это краткое мгновение кровосос испытывает столь неопишное блаженство, что практически теряет связь с реальным миром.

Теоретические знания вещь, конечно, весьма и весьма полезная, но до сих пор Вьюну ни разу не доводилось не только встречаться с ночными охотниками лицом к лицу, но даже видеть их издали. Но все когда-нибудь случается в первый раз, и сегодня молодому человеку предстояло воплотить на практике все, чему его в свое время обучили те, кому посчастливилось выйти победителями из схватки с вампирами.

Между тем, Кевин внимательно следил за действиями смертельно опасного гостя. Адаптированное для ночного видения зрение позволяло ему видеть практически в полной темноте, к тому же максимально активизировались все прочие органы чувств, поэтому молодой человек не только видел чудовище, он его ощущал и, несмотря на отсутствие практического опыта общения с подобными тварями, мог предугадывать последовательность его действий.

В данный момент кровосос стоял в двух шагах от кровати и самозабвенно вдыхал запах будущей жертвы. Полые иглы его клыков вылезли на максимальную длину – более двух дюймов. Чудовище уже давно могло бы приступить к трапезе, однако мирно спящее тело не проявляло никаких признаков беспокойства, что позволяло вампиру получить от предстоящего действия не только физическое удовольствие, но, своего рода эстетический кайф.

Наконец трансильванская тварь подготовила себя морально и неуловимым движением переместилась вплотную к кровати. Кровосос наклонился к шее человека, чтобы, прокусив сонную артерию, принять в себя его живительную влагу. Однако Кевин также не дремал, и в тот момент, когда леденящее дыхание вампира коснулось его кожи, с плеча мирно спящей добычи сорвался материализованный паук-птицеед, который до сего времени пребывал там в виде безобидной татуировки. По воле хозяина он прыгнул прямо в широко распахнутую пасть чудовища. Перед тем как мощные челюсти вампира раскусили слабенький хитиновый панцирь, насекомое успело впиться ему в язык и впрыснуть туда приличную дозу яда.

Кевин вовсе не надеялся таким незамысловатым способом расправиться с живучей бестией. Он всего лишь рассчитывал выиграть немного времени для активации более серьезного артефакта, точнее двух артефактов: стилизованного изображения Солнца на груди в районе сердца и витиеватого перстня, выколотого на среднем пальце правой руки. Подчиняясь коротким вербальным формулам, оба заклинания сработали практически одновременно. В результате под потолком комнаты на пару мгновений ярко полыхнуло, а из костяшки пальца человека вылезло серебряное жало длиной в три четверти фута, которое Кевин тут же вогнал между глаз любителя человеческой крови.

Мгновение спустя тварь, корчилась на полу в предсмертной агонии. Яркий свет основательно опалил ее кожные покровы, а благородное серебро окончательно добило монстра.

Вскочив с постели, Вьюн на всякий случай извлек шпагу из ножен и прислушался к ночным звукам. Все спокойно. Иначе и быть не могло – вампиры никогда не охотятся груп-

пами, поэтому повторного нападения не последует. Хорошо, что он догадался заткнуть пасть кровососу паучком, и предсмертных криков, способных переполюшить деревню не последовало. В планы Вьюна не входили долгие и нудные объяснения с представителями местной власти. К тому же, неизвестно как к этому отнесутся крестьяне.

Подождав еще с четверть часа, бритт окончательно убедился в том, что визит ночного охотника остался никем не замеченным. Он сноровисто разоблачил вампира, вынес его тело в сад и оставил на открытом воздухе меж цветущих апельсиновых деревьев. С первыми лучами Солнца плоть кровососа превратится в горстку праха, которую развеет без остатка легкий порыв свежего утреннего ветерка. Одежду молодой человек спрятал под слоем дернины.

Вернувшись во флигель, Вьюн завалился на кровать. Хотел по привычке прокрутить в голове случившийся казус, но быстро заснул и, как ни странно, преспокойно проспал до самого утра.

Пробудившись, он так и не сообщил никому из местных жителей о неприятном ночном визите, но потихоньку исподволь попытался выведать у хозяина дома что-либо интересное на этот счет. Но ни сам крестьянин, ни его домочадцы никогда с кровососами не сталкивались и, вообще, считали их порождениями больной человеческой фантазии.

Оставшуюся часть пути Кевин проехал на купленной в той самой деревеньке древней кляче. Лошаденка хоть и привычная к крестьянскому труду, под седлом ходить не разучилась, поскольку когда-то состояла на службе в королевском кирасирском полку и была демобилизована вместе со своим владельцем. Вернувшись на родину, бывший кирасир определил гордое животное обрабатывать землю и возить тяжеленные телеги на базар, а когда проходящий мимо хлыщ предложил за нее и кирасирское седло двадцать серебряных монет, без сожаления расстался с боевой подругой.

Веселый и щедрый Вьюн пришелся по душе лошадке, кормил исправно и вволю, купал пару раз в реке и плеткой для придания резвости особенно не охаживал. Короче, золото, а не хозяин. Вот только дружба человека и животного прекратилась, едва начавшись. Добравшись до Карзандо, Кевин первым делом посетил городской рынок и избавился от старой клячи, сбавив ее по дешевке перекупщику. Затем британец уверенной походкой отправился в квартал чародеев.

В этом городе он побывал пять лет назад. Более того, выполняя одно секретное задание, вынужден был прожить здесь почти полгода. Поэтому знал Карзандо как свои пять пальцев и даже успел полюбить.

Покинув рынок, он миновал Большую Купеческую, самую тенистую улицу города. По извилистой дороге спустился к портовым пакгаузам и верфям. Взойдя по вырубленным в граните ступенькам Княжьей лестницы, оказался в северной части города. Протопал еще пару миль и остановился перед двухэтажным каменным домом с высоким крыльцом и бронзовой табличкой на двери. Витиеватая надпись на ней гласила:

*«Грандмастер Комплексной Магии, Доктор Парапсихологии, Алхимии
и Прикладной Медицины профессор Костельо Фракс»*

Перед внутренним взором Кевина возникла забавная физиономия экстравагантного профессора, и он невольно улыбнулся. Затем решительно приложил пятерню правой руки к начищенной до зеркального блеска металлической поверхности.

Дверь долго не открывали. Кевин начал было беспокоиться – не случилось ли что с магом за прошедшие со дня их последнего свидания пять лет. Хотел окликнуть проходящего мимо гражданина, чтобы расспросить о судьбе мэтра, но этого не потребовалось. Тяжелая дубовая дверь мягко распахнулась, и на пороге показалась знакомая согбенная едва ли не в три погибели фигура.

– Молодой человек, – ворчливо заблажила фигура знакомым профессорским голосом, – вы случайно не ошиблись адресом? Если вы ищете практикующего мага, обратитесь к соседям. Мэтр Костельо вот уже как десять лет не занимается подобной ерундой. К тому же я занят.

– Извините, за беспокойство, уважаемый профессор, но для старинных друзей, надеюсь, у вас отыщется минутка вашего драгоценного времени.

Лишь теперь мэтр соизволил внимательно посмотреть на гостя. И тут же громко запричитал:

– Великий Непознанный! Неужели Хёндаль в гости пожаловал?! Нехороший мальчишка! Обещал навещать хотя бы изредка. Совсем забыл старика.

– Как видите, дорогой профессор, не забыл. Извиняюсь, дела неотложные как-то неожиданно навалились, и я был вынужден покинуть Карзандо, не попрощавшись с вами.

С этими словами Кевин Фальк (он же Хёндаль Груве) наклонился и крепко обнял древнего мага.

– Эх, молодежь, молодежь, все торопитесь, спешите урвать от жизни как можно больше, – с укоризной проворчал старик, – а счастье-то вот оно, рядом и не нужно за ним куда бежать, только остановиться, осмотреться и хватай за хвост, пока не улетело. Впрочем, в молодости я и сам... – Похоже пожилой чародей прямо на пороге своего дома решил предаться ностальгическим воспоминаниям, но, вовремя вспомнив о своих обязанностях хозяина, всплеснул ручками и запричитал: – Да что же это я гостя на улице держу. Проходи дорогой Хёнди! Порадовал старика! Порадовал!

В свое время Вьюну не повезло повстречаться в здешнем порту с шайкой грабителей в тот момент, когда он собирался пробраться на стоявшую у причалов посудину с целью негласного досмотра личных вещичек одного интересующего его лица. Если бы подкатившая к нему шестерка потребовала только денег, он расстался бы со всей имевшейся на тот момент в его распоряжении наличностью безропотно – его миссия была намного важнее той мелочевки, что позвякивала в его карманах. Однако негодяи решили не просто ограбить его, но отправить под пирс, предварительно перерезав горло. Вьюн положил всех шестерых, но пока разбирался с ними, получил арбалетный болт промеж лопаток от седьмого их приятеля, прятавшегося для подстраховки за углом стоявшего неподалеку склада. Меткому стрелку далеко уйти не удалось, но и Вьюну также не повезло.

Он и сам не помнит, каким образом ему удалось добраться до квартала магов и постучать в первую попавшуюся дверь. Нетрудно догадаться, что ему открыл ни кто иной, как сам мэтр Костельо. Доктору прикладной медицины хватило одного взгляда, чтобы оценить состояние раненого. В результате «Хёндалю Груве» пришлось задержаться на недельку в доме сварливого, но очень доброго мага. Старик привязался к юноше, и они подружились. В свою очередь, Кевин в последствии здорово помог своему спасителю, добывая редкие и весьма дорогостоящие магические ингредиенты для его алхимических опытов. Но в один прекрасный момент, Вьюну пришлось в экстренном порядке покинуть Карзандо. Он даже не успел проститься с хорошим человеком, о чем сильно жалел, вспоминая время от времени эксцентричного старика, и был бесконечно рад, узнать, что мэтр Костельо на него почти не в обиде.

Расположились в гостиной. Дождавшись ухода служанки, сервировавшей стол для небольшого застолья, чародей на правах хозяина разлил вино по бокалам и как бы мимоходом поинтересовался:

– Ты в наши места надолго?

– Если честно, профессор, – молодой человек смущенно отвел глаза, – я к вам по делу... очень срочному делу. Видите ли...

– Не надо, мальчик, – огорченно махнул рукой чародей. – Я с удовольствием выслушаю твои забавные байки, кои ты великий мастер сочинять, как-нибудь в другой раз. А сейчас можешь не напрягать свою фантазию. Излагай, зачем прибыл.

– Но, уважаемый...

– Да не тушуйся, Хёндаль, или как тебя там... короче, неважно. Главное, что Костельо Фракс любит тебя как родного сына и доверяет, и кем бы ты ни был: разбойником ли, контрабандистом ли или еще каким авантюристом – в этом доме ты всегда найдешь взаимопонимание и помощь.

– Спасибо, профессор, но, уверяю вас, я не разбойник, не контрабандист и вообще к криминалу не имею никакого отношения. Впрочем, если подумать... короче, мне нужна консультация высококвалифицированного мага, мэтр Костельо. Денег не предлагаю, боюсь вас обидеть, но если...

– И правильно делаешь, что не предлагаешь, – зыркнул пронзительным взглядом на гостя маг. – Ладно, давай за встречу по бокалу и перейдем к делу – вижу, тебе не терпится.

Мужчины чокнулись, пригубили, после чего Фальк с немного виноватой улыбкой начал:

– Вино отличное, мэтр, в другое время и при других обстоятельствах... короче, у меня к вам пара вопросов. Видите ли, несколько дней назад я был отравлен... не совсем отравлен, выражаясь точнее, мне подсыпали в пищу сонное зелье. Я непременно должен был почувствовать присутствие наркотика в пище и, тем не менее, этого не случилось. Моя мощная и надежная система безопасности, рассчитанная на опознание самых сильнодействующих средств, коих еще даже не изобрели ваши коллеги алхимики, спасовала перед каким-то снотворным. И еще, профессор, не могли бы вы просканировать меня на предмет разного рода магических меток и маркеров? Раньше я даже не задался бы этим вопросом, но после столь загадочного отравления не могу быть ни в чем уверен. Короче, я хочу наверняка знать, что в данный момент за мной не следят.

– М-м-да, юноша с ясным взором, – неодобрительно покачал головой доктор парапсихологии, – я, конечно, догадывался, что ты игрок бесшабашный и авантюрист отчаянный, но... Хорошо, перекусишь с дороги, и сразу же займемся твоими проблемами. А насчет слежки можешь не волноваться, квартал магов отлично экранирован от любых посторонних взглядов, и пока ты здесь, можешь ни о чем не беспокоиться.

Пока истосковавшийся по приличной пище Вьюн отдавал должное бутербродам с икрой, холодному мясу и салатам из морепродуктов, мэтр Костельо исподволь, чтобы не смущать гостя, внимательно его рассматривал. И лишь после того как тот насытился, заметил:

– А без бороды и усов ты намного моложе выглядишь и попроще как-то. – И усмехнувшись каким-то своим мыслям, продолжил: – А теперь добро пожаловать в мою лабораторию, дорогой Хёндаль!

Осмотр пациента занял более часа. Все это время Кевин провел, лежа на жесткой кушетке, в оборудованном под лабораторию подвале. Если бы какой-нибудь коллега профессора ненароком оказался в этом помещении, он наверняка впал бы в ступор от зависти. Здесь было все необходимое для проведения любых научных изысканий: и алхимическая посуда, и перегонные кубы, и полки, уставленные самыми разнообразными ингредиентами, и много всего прочего. Нельзя сказать, что Кевин Фальк был полным профаном в искусстве алхимии. В некоторых аспектах ее практического применения он прекрасно разбирался и при необходимости мог самостоятельно изготовить кое-какие зелья и снадобья, однако назначение большинства находящихся здесь приборов для него так навсегда и осталось тайной за семью печатями. Стоит отметить, что доктор алхимии отлично ориентировался в своем хозяйстве, и пока Фальк пребывал в лежачем состоянии, успел приготовить несколько очень

горьких пилюль и отвратительных на вкус и запах микстур и скормить их пациенту. А еще он обложил молодого человека разного рода артефактами. Многие из которых после активации заискрились, замерцали и даже загудели. Все это напомнило Фальку балаганные трюки заезжих фокусников, представления которых он любил посещать в детском возрасте. Вот сейчас он вознесется над кушеткой и начнет поочередно превращаться во всяких забавных монстров или вовсе растает как дым. Однако ничего подобного не случилось. Он никуда не взлетел и не исчез, но на какое-то время отключился, несмотря на то, что спать вовсе не собирался. Что же касается чародея, он постоянно суетился: смешивал какие-то ингредиенты, возжигал курильницы и жаровни и бросал туда эти отнюдь не благовонные смеси.

Наконец перемигивание магических кристаллов прекратилось, жаровни и курильницы перестали источать мерзостные запахи жженных перьев и чадающих головешек. Вьюн сообразил, что его добровольная попытка подходит к концу. Так и случилось, вскоре чародей удовлетворенно крикнул и, воззрившись на пациента взглядом обьевшего сметаны кота, сказал:

– Ну все, дорогой Хэнди. Сейчас мы с тобой вернемся в гостиную, там и поговорим.

Что касается Кевина, он с превеликим удовольствием подчинился хозяину, поскольку от неприятных запахов, а может быть, от принятых внутрь зелий, у него сильно разболелась голова.

– Итак, мой мальчик, могу тебя обрадовать, – начал профессор, после того, как гость влил в себя полбутылки сухого вина, что самым положительным образом отразилось на его самочувствии. – Маркер, которым ты был помечен десять дней назад, я удалил. Теперь никакие вампиры нам не страшны...

– Вы и об этом узнали? – удивлению Вьюна не было предела.

– А то! – напыжился от гордости мэтр Костельо. – Кстати, тот ночной охотник был на «поводке». Что это означает, сам догадаешься. Ты у нас мальчик сообразительный.

– Выходит, это все-таки не было спонтанным нападением пробегавшей мимо голодной твари, – задумчиво пробормотал Фальк. – По большому счету, я именно так и полагал. А что у нас насчет отравы?

– Тут, мой друг, и вовсе интересный случай. Видишь ли, в обычном понимании никакого сонного зелья не было.

– А что же было?

– Абсолютно безвредное вещество, если точно – белый кристаллический порошок, похожий на поваренную соль, который, попав в организм человека, через двенадцать часов должен был его покинуть с мочой и потом без каких-либо последствий для индивида... если... – старый маг сделал интригующую паузу, – означенный индивид не примет внутрь какого-нибудь крепкого спиртного напитка. Насколько я понимаю, в твоём случае это был ром.

– Точно, за ужином я действительно пил ром. Вся команда пила. На флоте это первое средство для профилактики тропической лихорадки и бессонницы. Вообще-то я не совсем понимаю, профессор, при чем тут ваш порошок и благородный напиток моряков?

– А при том, глупый мальчишка, – недовольно забрюзжал чародей, – по отдельности и зелье и ром вроде бы вещества безвредные для организма и твоя нательная охранная роспись на них не отреагировала, но, попав внутрь, они вступили в реакцию. В результате ты отключился на несколько часов. Интересная метода и весьма эффективная, ни о чем подобном раньше мне слышать не доводилось. К тому же крайне опасная. Ведь при желании можно разработать не только снотворное, но яды и даже взрывчатые вещества. Короче говоря, перспективы грандиозные. Взять, к примеру...

Профессор и сам не заметил, как перешел к развитию и углублению заинтересовавшей его темы вплоть до открытия полемических дебатов с самим собой. Однако Кевин Фальк не позволил этому случиться.

– Прошу прощения, мэтр, но как мне кажется, вы несколько отклонились от темы нашей беседы.

– А чего тут еще рассказывать? – отмахнулся от него как от назойливой мухи Костельо Фракс. – Тому, кто подсыпал зелье в твою еду, наверняка было известно, что очень скоро ты выпьешь рому. А через пару часов образовавшийся внутри твоего организма наркотик обеспечил тебе продолжительный сон. Ты должен быть благодарен судьбе за то, что формула предполагала синтез снотворного, а не какого-нибудь смертоносного яда. Прости меня, мальчик, но старому Фраксу в срочном порядке необходимо уединиться в своей лаборатории. Можешь оставаться в этом доме сколь угодно долго. Мариза немедленно проводит тебя в комнату для гостей...

Сухощавая рука старого мага потянулась было к колокольчику, с тем, чтобы вызвать служанку, но Кевин его остановил:

– Спасибо, профессор, однако прошу извинить меня – срочные дела настоятельно требуют моего непосредственного участия. Посему я вынужден еще раз поблагодарить вас и откланяться.

– Как знаешь, как знаешь, – задумчиво пробормотал мэтр Костельо.

Кевин Фальк понял, что профессор уже витает где-то в своих непостижимых для простого смертного научных эмпириях и в ближайшее время на землю ни за что не спустится. Поэтому с легким сердцем покинул гостеприимный дом экстравагантного чародея.

* * *

Объединенное воинство франков и северных галлов численностью около сотни тысяч человек пересекло Рейн в районе Ветера Кастра и, не встретив на своем пути никакого сопротивления со стороны населявших эти места белгов, двинуло на восток.

Как следствие, во все столицы старушки Европы посыпались тайные донесения об очередной большой войне между германцами, в которую на сей раз ввязались склочные жители северной Галлии, коим было не впервой вступать в разборки восточных соседей.

На пятые сутки ускоренного марша галло-франкские легионы достигли верховьев реки Эмс и стали лагерем на юго-западе местности, именуемой Тевтобургский лес.

Утром следующего дня на горизонте показались штандарты войска короля саксонского, против которого, собственно, и объединились франки и галлы. А вскоре из мрачных дубрав выползла сверкающая стальной чешуей доспехов походная колонна германцев.

Место встречи было весьма удобно для битвы. Обширное свободное от леса плоскогорье – мечта любого военного стратега для осуществления своих полководческих амбиций. Однако при появлении вражеских легионов франко-галльское войско не пришло в движение. Аркебузеры не кинулись заряжать свои аркебузы, огнедышащие драконы не взмыли в воздух, из орудийных стволов не извлекли деревянные пробки, а маги поводыри могучих големов пальцем не пошевелили, чтобы вдохнуть душу в своих подопечных.

Саксонцы со своей стороны также не сделали попытки захватить противника врасплох. Вместо этого они построились неровной шеренгой на противоположной стороне поля в ожидании приказов своих военачальников.

Полководцы, похоже, и не собирались бросать своих людей в бой. Вместо этого они собрались в центре поля и какое-то время о чем-то совещались. По окончании переговоров прибывшему войску был дан приказ разбивать временный лагерь.

Глава 4

Вскоре наш герой вновь шагал по знакомым улицам Карзандо, но теперь его путь лежал в одну мало примечательную таверну, каких в портовом городе по дюжине на каждую улицу. Все они носили довольно громкие иногда даже помпезные названия: «Привал героя», «Высшее наслаждение», «Затон Посейдона» и так далее в том же духе. Эта не отличалась оригинальностью и называлась «Познай истину».

Пока Кевин общался с магом, дневное светило подкатило к зениту и в городе стало как в раскаленной духовке. Добравшись до Приморского бульвара, истекавший потом Вьюн решил перевести дух, а заодно переварить полученную от мага информацию и сопоставить ее с тем, что ему было уже известно. Вскоре обнаружилось и подходящее местечко – уютное заведение на открытом воздухе, защищенное от палящего зноя раскидистыми кронами могучих деревьев. Ко всему прочему отсюда открывался шикарный вид на акваторию залива Карзандо и на корабли, стоящие на рейде. И еще здесь была музыка негромкая и не навязчивая: пульсирующий всеми оттенками радуги магический кристалл посылал записанный на нем сигнал на динамические плоскости, которые, собственно, и служили источниками вполне качественного объемного звука.

Выбрал столик так, чтобы иметь возможность не только любоваться морскими просторами, но держать под контролем заведение. Окинул цепким взглядом профессионала присутствующую публику. Вроде бы все спокойно: оживленная компания празднующейся молодежи из зажиточного купечества, парочка пожилых горожанок балуют фруктовым мороженым внуков, трое солидного вида мужчин пьют сухое вино и обмениваются негромкими репликами, по всей видимости, обсуждают какую-то коммерческую сделку.

Подошедшему официанту Кевин заказал бутылку сухого красного. Вино оказалось вполне приличным и охлажденным до оптимальной температуры. Плюнув на этикет, томимый жаждой он одним махом осушил бокал, после чего виновато улыбнулся ошарашенным его поведением дамам с внуками и учтиво поклонился, мол, извините, я не пьяница, просто очень пить захотелось. Более никто из присутствующих не обратил на него никакого внимания. Наполнив второй бокал, молодой человек лишь слегка пригубил из него, после чего извлек из нагрудного кармана сигару и прикурил от лежавшего рядом с пепельницей огнекамня. Жадно затянулся вкусным дымом. Сначала табак слегка затуманил мозги, но вскоре туман рассеялся, сознание получило возможность значительно эффективнее анализировать и сопоставлять факты.

«Итак, что мы имеем? А имеем мы, разгром имперской агентурной сети в столице дружественного государства. Едва узнав о случившемся, архиканцлер поручил мне провести расследование этого дела. Я немедленно выехал в Занд, где поднялся на борт «Святой Эграфии». Через пять суток наступил полный штиль, а еще через два дня меня усыпили довольно хитроумным способом и переправили на борт пиратской посудины. Благодаря моим исключительным способностям (без тени иронии) мне удалось выкрутиться из этого крайне щекотливого положения. Когда я подумал, что все мои беды закончились, на меня напала трансильванская тварь, иными словами – вампир, и снова мне чудом удалось избежать смерти. В конечном итоге я все-таки добрался до Карзандо».

Вкратце вроде бы все. Однако Вьюн отлично осознавал, что это всего лишь верхушка огромного айсберга. Все самое интересное скрывается под толщей весьма и весьма мутной водицы, в которой некто неизвестный решил половить рыбку.

Затянувшись несколько раз сигарой, он сделал еще пару глотков из бокала и продолжил свои мысленные рассуждения:

«Анализ политической ситуации вокруг Гельвеции пока что отложим на будущее. Тут гадючник еще тот, и в этом клубке сплелись интересы не одного десятка государств. Лучше порассуждаем о себе любимом, точнее о тех «свиньях», которые мне кто-то сумел подбросить самым виртуозным образом. Начнем, к примеру, с маркера. Для чего на меня повесили магическую метку, гадать не приходится – именно к ней привязывался нанятый пиратами маг стихийник, организовывая полный штить вокруг «Святой Эграфии», а когда не получилось устранить меня руками морских разбойников, задействовали ближайшего контролируемого вампира и навели его также по метке. А вот когда и кто ее поставил – это тот вопрос, ответ на который мне хотелось бы получить немедленно, глядишь, и в Лион тащиться не пришлось бы. Не, в Лион однозначно ехать придется, хотя бы для того, чтобы разобраться с заказчиками и исполнителями гнусной расправы над моими коллегами. Между прочим, там с полдюжины отличных парней, с которыми я был знаком лично. Так, Вьюн, постарайся не отвлекаться, думай и сопоставляй факты. Итак, я прибыл во дворец где-то в около шести утра и покинул около двенадцати. Никаких сомнений, что до визита на мне не было проклятой метки, поскольку служба охраны дворца подвергла меня самой тщательной проверке, и любая наведенная магия не осталась бы незамеченной. Получается, маркер на меня нацепили либо во дворце, либо по дороге в Занд. Насколько мне известно, для маркировки объекта необходим тактильный контакт, а поскольку весь путь от Лондиния до Занда я провел в седле, получается, что меня пометили либо во дворце, либо за то время, пока я находился в столице уже после разговора с начальством. Так, Вьюн, теперь вспоминай все свои контакты после того, как твоя нога ступила на территорию дворцового комплекса! Пара-тройка коллег, с которыми я обменялся рукопожатиями, имперская стража, несколько знакомых царедворцев, секретарь Кардинала и, наконец, сам грозный шеф Тайной Службы. По завершении приснопамятной нравоучительно-консультативной беседы, я контактировал с архивариусом, перемолвился парой словечек с одной из фрейлин: выразил ей свое восхищение, за что был пожалован многообещающей улыбкой. К сожалению, всестороннему развитию диалога с красавицей помешало появление его императорского высочества принца Тахино – младшего сына его величества. Отличный парень и не задавака. Пару раз мне приходилось сопровождать его в качестве телохранителя по значным местам столицы, а также обеспечивать безопасность во время его загородных вылазок на охоту. Принц узнал меня и приветил. Здоровенный детина, едва не поломал мне ребра. Вне всякого сомнения, он находился в изрядном подпитии и пригласил меня в свои апартаменты для продолжения банкета. Пришлось отказаться, сославшись на срочные государственные дела. А вот уже на выходе из дворца ко мне прицепился один напыщенный индюк из высокопоставленных вельмож, мол, не по этикету одет, не так и не там ходишь, короче докопался по полной. Пришлось склонить голову и талдычить как заводному: «виноват, ваша милость; больше не повторится, ваша милость», короче прикидываться кругом грешным. Он даже взял меня брезгливо двумя пальчиками за рукав и препроводил до ворот, дабы своим неопрятным видом не позорил гордое звание дворянина и не смущал взоров монарших особ, кои должны были вот-вот появиться в этом месте. Откровенно говоря, тогда я не придавал особого значения этому случаю, теперь, неожиданное внимание со стороны аж действующего тайного советника (считай, министра) кажется мне наиболее подозрительным из всех моих контактов в императорском дворце. Большую часть оставшегося до отъезда времени я провел в компании своей Наталь. Эта хоть и не дворянка, но манерами держаться и, самое главное, натуральной красотой затмит любую фрейлину. Этот цветок я лично завербовал пару лет назад, и с тех пор она не подала ни единого повода сомневаться в личной преданности своему «похотливому петушку». Вообще-то насчет похотливости можно было бы поспорить, поскольку многие заграничные послы и атташе не смогли ничего противопоставить чарам коварной обольстительницы и охотно делились с ней секретной информацией, интересующей имперскую Тай-

ную Службу. В свободное от работы время мы были любовниками, причем вполне гармоничной парой. Поэтому в списке вероятных агентов врага Наталь была на одном из последних мест, точнее на предпоследнем – между архиканцлером и принцем Тахино».

Нарисовав перед внутренним взором обворожительный облик своей Наталь, британец мечтательно улыбнулся и покачал головой.

Конечно, было бы здорово, если бы маркер нацепил тот самый надутый индюк. С каким бы удовольствием Кевин принял участие в его аресте и допросе. Однако одна из заповедей агентурного работника гласит: «Ни в коем случае не заикливаться на какой-то наиболее очевидной версии, ибо это вольно или невольно сужает оперативный простор и в конечном итоге может привести к провалу операции». К тому же, метку могли нацепить, после того, как он покинул дворец. Какой-нибудь дворник, к примеру, или торговка цветами, что он купил для Наталь. Да мало ли еще кто мог быть ловким засланцем – агентом враждебного Британской империи царства-государства.

То, что в деле замешана какая-то конкурирующая спецслужба, Кевин ничуть не сомневался – уж больно профессионально работают ребята. К тому же провал шпионской сети в Лионе однозначно указывает на то, что вражеский агент затаился где-то в самых верхах службы имперской государственной безопасности. Поэтому Вьюн не имеет права контактировать с кем бы то ни было из коллег, включая его сиятельство графа Эбенара Дуго, до тех пор пока не узнает имя предателя. Таким образом не только приказ высокого начальства, но оперативная обстановка вынуждает его перейти в режим полной автономии. Не проблема, в свое время над ним весьма добросовестно потрудились признанные асы шпионажа, к тому же он и сам успел многому подучиться. Так что к предстоящим испытаниям он вполне готов.

Вдавлив наполовину выкуренную сигару в дно пепельницы, Кевин Фальк допил содержимое бокала. Не без сожаления посмотрел на недопитую бутылку – в другое время и при других обстоятельствах он не только уговорил бы эту, но непременно заказал еще одну – уж больно вид из павильона приятный и прохладно здесь. Но сейчас не до отдыха. Несмотря на жару, нужно топать на встречу со старым приятелем. Интересно, как к его появлению отнесется старина Скорт?

«Познай истину» третьесортный кабак располагался на восточной окраине Карзандо, наиболее удаленной от побережья части города. Здесь в основном проживали работники мануфактур, небогатые подмастерья, мелкие ремесленники. Поскольку местная публика туго набитыми карманами похвастаться не могла, сервис в заведении был соответствующий.

Вьюн еще только лишь подходил к дверям, как те распахнулись, выпуская на волю летящее тело какого-то оборванца. Пропорхав над землей около пяти ярдов, незадачливый клиент шлепнулся на окаймлявший булыжный тротуар травяной газон, преспокойно свернулся калачиком и громко очень смачно захрапел. Вне всякого сомнения, истину он уже познал, теперь необходимо было хорошенько ее усвоить, желательно в спокойной обстановке.

Внутри заведения было сильно накурено и крепко пахло ядреным винно-табачным перегаром, подгоревшей кашей и еще чем-то, не особенно приятным. Брезгливо наморщив нос, Кевин гордо прошествовал мимо преогромного вышибалы, стараниями которого покинуло кабака вышеупомянутое тело.

– Уважаемый, – обратился он к стоявшему за стойкой совсем еще молодому, но успешному набраться должного лоска пареньку, – мне бы с Вертером Скортом пообщаться.

– Хозяин отдыхают-с и не могут-с вас принять, – заявил служака и демонстративно отвернулся от не спешащего что-либо заказывать посетителя.

– Послушайте, мне необходимо срочно увидеть вашего хозяина, – продолжал настаивать Вьюн.

– Вам же сказано-с, господин Скорт отдыхать изволят-с, – с нескрываемой издевкой в голосе ответил служка и бросил пренебрежительный взгляд на приставалу-трезвенника. Вне всякого сомнения, присутствие грозного вышибалы вселяло в его мелкую душонку обманчивое чувство безнаказанности.

Наш герой хоть и был по натуре ярым сторонником компромиссов и без особой нужды мухи не обидел, на этот раз не стерпел и решил хорошенько проучить наглеца. Молниеносное движение и крепкая рука тайного агента сгребла ворот богатой сафьяновой рубахи. Резкий рывок на себя и испуганная физиономия юноши оказалась в непосредственной близости от злых глаз посетителя.

– В последний раз повторяю, щенок, поднимись к хозяину и скажи, что его хочет видеть старинный приятель.

Если бы служка не был так напуган, он, вполне вероятно, сумел бы принять правильное решение, но то ли от избыточной самонадеянности, то ли от растерянности он не догадался сделать ничего лучшего, как истошно завизжать:

– Амбал, на помощь! Наших бьют!

Вышибала при своих феноменальных габаритах оказался парнишкой весьма расторопным. Растопырив могучие ручищи, словно собирался облапить и задавить нарушителя спокойствия, он двинул к стойке. Чтобы избежать грозящей беды Вьюну даже не потребовалось оборачиваться. Он и так прекрасно чувствовал вышибалу, и для него не составило особого труда заранее просчитать все его последующие действия. Как только Амбал оказался в пределах досягаемости, ему в пах влетел крепкий каблук ботинка Вьюна, затем тот же самый каблук врезался в нижнюю челюсть согнувшегося в три погибели гиганта. И в следующий момент к великому изумлению присутствующей публики, великан осел на пол бесчувственной тушей. Вслед за Амбалом наступила очередь нахала, посмеявшегося дерзить клиенту. Вьюн крепко ухватил его пальцами за нос и преобольно крутанул, затем обеими руками схватил за уши и, выдернув из-за стойки, пару раз «показал Лион». А пока тот забавно дрыгал ногами в воздухе, рассерженный посетитель требовал как можно подробнее описать красоты и достопримечательности столицы. К великому удивлению уважаемой публики уши не остались в руках экзекутора, однако после того, как служку поставили на пол, они скорее напоминали парочку макового цвета лопухов.

– А теперь, юноша, – сказал ничуть не запыхавшийся бритт, – поторопись-ка выполнить мою просьбу, иначе помимо Лиона ты у меня увидишь Лондиний, а это намного дальше.

– Не надо Лиона, не надо Лондиний, – пролепетал юноша. – Я немедленно доложу мэтру Скорту о вашем прибытии.

С этими словами до смерти перепуганный служка помчался выполнять указание гостя, а на Вьюна обрушился шквал вполне заслуженных аплодисментов. Похоже, постоянные посетители «Познай истину» не очень любили наглого оболтуса, привыкшего прятаться за широкой спиной вышибалы. Кое-кто даже попытался пригласить героя дня за свой столик, чтобы хорошенько угостить.

По роду своей деятельности Вьюн не любил широких подмостков и ярко освещенных рамп. Его кредо было: держаться в тени и не выпячиваться. Но сегодня он изменил своему правилу и вполне адекватно отреагировал на реакцию публики – с легким налетом удивленного смущения на лице раскланялся и послал зрителям парочку воздушных поцелуев.

Общение Вьюна с восторженной публикой было прервано появлением какого-то типа, вертлявого, чернявого, феноменально носатого. Приблизившись к британцу, он коротко бросил: – Вас ждут, – и без дополнительных комментариев направился к неприметной дверце за стойкой. Походя небрежно пнул начавшего приходить в себя Амбала: – Смотри здесь! Барток появится попозже. А с тобой хозяин опосля разберется.

Кевин в свою очередь сочувственно посмотрел на незадачливого вышибалу и бодрой походкой проследовал за носатым.

– Вьюн, бродяга! Да ты ли это?! – восторженно воскликнул Вертер Скорт, едва завидев имперца. – А я-то думаю, кому это понадобился старина Скорт! Рад, весьма рад видеть тебя в животе и здравии!

Это был мужчина лет пятидесяти, ничем не примечательной наружности: среднего роста, слегка половат. Лишь внимательный цепкий взгляд темных глаз наводил на мысль о том, что Вертер Скорт не так уж прост и даже очень не прост. И действительно, семь лет назад, когда этот человек не был еще Вертером Скормом, а носил другое имя, он верховодил мощной воровской организацией на Туманном Альбионе. Будучи взятым с поличным Кевином Фальком, был вынужден сотрудничать с Тайной Службой. Без особой охоты, разумеется, и без огонька, но так или иначе, все задания Вьюна он выполнял исправно. Однако в какой-то момент ему и его парням не повезло. Шайка Скорта была повязана имперской стражей правопорядка. Как известно с ворами и прочими криминальными элементами в империи (впрочем, как и в цивилизованной Европе) особенно не церемонятся: голову на плаху или в намыленную петлю и дело с концом.

Однако во время вербовки Вьюн пообещал подопечному, в случае чего сделать все возможное, чтобы вытащить его задницу из любой передраги. Лондинийский Централ – это вам не камера предварительного заключения при каком-нибудь околотке. Это мощная крепость с темными глубокими подземельями и каменными мешками в них, где до вынесения приговора и его исполнения томятся государственные преступники. За всю тысячелетнюю историю существования тюрьмы оттуда сумели удрать не более полудюжины отчаянных сорвиголов.

Поскольку освободить Скорта законным способом не смог бы даже архиканцлер, пришлось Вьюну самостоятельно организовывать побег заключенного из темницы, разумеется, начальство об инициативе подчиненного так ничего и не узнало, иначе молодому человеку светило реально оказаться в одном подземелье с осведомителем.

Не станем вдаваться в подробности проведенной агентом операции, главное, что у Кевина все получилось. Вполне естественно, побег преступника из тщательно охраняемой тюрьмы, что называется, поднял на уши весь многочисленный контингент стражей порядка, включая Тайную Службу. Так что Вьюну пришлось одновременно прятать Скорта в укромном месте и самому ловить его, точнее создавать видимость бурной деятельности. Со временем с помощью все того же Фалька бывшему заключенному удалось перебраться в Гельвецию, там он, собственно, и стал Вертером Скормом. Благодаря старым связям и своим талантам он вполне освоился в местной криминальной среде, даже стал одним из лидеров Воровской Гильдии. Во всяком случае, в Карзандо после генерал-губернатора, он был, наиболее влиятельным человеком, разумеется, негласно.

При расставании благодарный Скорт поклялся всеми тайными именами Непознанного оказывать своему благодетелю любую посильную помощь. И слово свое сдержал. Пять лет назад здорово помог Вьюну здесь в Карзандо. Постепенно их взаимоотношения переросли в крепкую мужскую дружбу. Более того, Фальк доверял этому человеку больше, нежели некоторым из своих коллег, а при сложившихся обстоятельствах мог положиться только на него и был благодарен Непознанному за то, что семь лет назад не отвратил его от той чрезвычайно сомнительной авантюры по освобождению Скорта из тюрьмы.

– И я рад видеть тебя, старый прохиндей! – расплылся в широкой улыбке британец.

Мужчины крепко обнялись.

Убедившись, что визит гостя ничем не грозит хозяину, носатый оставил их наедине, плотно прикрыв за собой дверь.

– Присаживайся, Кевин, – Скорт один из немногих, кому было известно настоящее имя агента. – Располагайся как у себя дома. Сейчас принесут чего-нибудь выпить, да и перекусить с дороги не помешает. По твоему пыльному костюму и усталому виду несложно догадаться, что ты не так давно из седла. Кстати, коняги твоей у дверей моего заведения не наблюдается.

– Пустое, – беззаботно махнул рукой Фальк. – Кобылки хватило лишь на то, чтобы доставить мой благородный зад до Карзандо. Сейчас из нее, полагаю, колбасу делают, а шкуру, тот прохвост, которому я ее сбавил, продал кожевникам в два раза дороже, чем заплатил мне за целое животное.

– Тут уж ничего не поделаешь, – улыбнулся в ответ хозяин. – Закон торговли: «Купи подешевле, продай подороже» в противном случае все мы жили бы в темноте аки дикие аквилы или неугомонные тевтоны и гунны.

Тем временем милостивая служанка внесла в комнату основательно заставленный поднос с едой и выпивкой. Не произнеся ни слова, расставила его содержимое на столе, после чего так же молча удалилась, одарив гостя многообещающей улыбкой.

– Нравится? – Вертер Скорт заметил плотоядный взгляд британца, мельком брошенный на стройную фигурку девушки. – Ты ей, вне всякого сомнения, также приглянулся. Вечерком пришлю, коль появится желание поближе познакомиться. Ты же, как я понимаю, не на минутку заглянул к старине Скорту, чтобы справиться о здоровье и по стаканчику опорожнить. Кстати, где ты остановился?

– Пока что нигде.

– Ну вот и хорошо – нечего моим друзьям во всяких сомнительных притонах ютиться. Тот домик на берегу залива, надеюсь, не забыл? – Вьюн утвердительно кивнул головой. – Он, как обычно, в твоём полном распоряжении.

– Спасибо, Вертер!

– Не стоит благодарности, Вьюн. Старина Скорт перед тобой в неоплатном...

– Ну, началось! – прервал словоизлияния приятеля Вьюн. – Давай закроем тему неоплатных долгов раз и навсегда иначе я обижусь.

– В таком случае, присаживайся, выпьем вина, перекусишь с дороги, а потом покалякаем. Да... еще один момент, ты на моих оболтусов зла не держи. Я имею в виду Амбала и Клёпа. Вышибала туп как пробка и делает, что велено. Второй еще молод и глуп, сродственник он одного моего компаньона, в воровском деле себя не проявил, вот я его в целовальники и определил, чтоб, значит, без дела не мотался.

На что Вьюн беспечно махнул рукой и с улыбкой заметил:

– Мне-то что? Это они на меня пусть не обижаются. Хотя «показать Лион» твоему Клёпе давно было нужно.

– Как же ты ему уши не оторвал? – укоризненно покачал головой Скорт.

– Коленкой под зад придержививал слегка, – поделился секретом Вьюн.

На правах хозяина Вертер Скорт разлил темное красное вино по бокалам и, провозгласив здравицу в честь гостя, в два глотка осушил свой.

Кевин выцедил вино мелкими глоточками, стараясь получить максимальное удовольствие от вкуса и запаха напитка. Он не был голоден, ограничился лишь кусочком знаменитого на весь Свет оксайского плесневого сыра, да парой виноградин. Затем с позволения хозяина закурил и принялся не торопясь, обстоятельно излагать все, что с ним случилось в течение последних десяти дней. Он не скрывал от друга ничего, поскольку был полностью уверен в том, что все им произнесенное в этих стенах ни при каких обстоятельствах не станет достоянием третьих лиц, без его Вьюна на то позволения. За все это время глава местного отделения Воровской Гильдии не произнес ни слова, лишь время от времени подливал

вино в бокалы и ненавязчиво жестом давал понять, что рассказчику не мешает промочить горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.